

КРЕСТЬЯНКА

№ 5 МАЙ 1963

На своей картине художник В. Орешкин изобразил одну из первых маевок дореволюционной России.
А вот сегодняшний Май.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРЕСТЬЯНКА

№ 5 МАЙ 1963

41-й ГОД ИЗДАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Май называют месяцем цветов: они распускаются в это время года во множестве и делают его, вероятно, самым нарядным из всех двенадцати. Но один цвет главенствует в майской радуге: красный цвет рабочих знамен. Он вспыхивает в первое утро месяца, независимо от погоды и климата во всех странах мира — от экватора до Заполярья.

Так ведется уже семьдесят три года, с тех пор, как пролетариат постановил считать Первомай своим классовым праздником, днем международной солидарности трудящихся, днем смотра их боевых сил.

Семьдесят три годовщины — огромный революционный путь, обозначивший смену эпох. Первые маевки в России — мы знаем их по воспоминаниям отцов — тайные, в загородных рощах, с пением «Интернационала» вполголоса и дозорным на верхушке березы — эпоха, когда на всей земле безраздельно властвовал капитализм. Нынешний Май — развернутое шествие колонн по всем городам страны, трибуны у кремлевской стены, заполненные гостями со всего света, — эпоха, когда социализм стал мировой системой, маяком, светящим для трехсотмиллионной армии пролетариата, живущего еще в тисках капитализма.

Наше время, как подчеркнула Программа Коммунистической партии Советского Союза, является эпохой перехода от капитализма к социализму, от власти толстосумов к полновластии народных масс. В этих условиях каждый Первомай становится праздником не только «по календарю», но и по своему оптимистическому содержанию.

В последнее десятилетие буржуазные идеологи старались доказать, что сейчас наблюдается отлив в классовой борьбе внутри капиталистических стран. Немало зарубежных демагогов сорвало голос, склоняя пролетариат к «классовому миру», «классовому сотрудничеству» и т. п.

Факты опровергли лживую версию. На памяти последних лет выступления трудящихся капиталистических стран, выдающиеся по своему размаху.

Не будем далеко ходить за примером. Мартовская забастовка 228 тысяч французских шахтеров у всех свежа в памяти. В самой Франции бастующих поддержали трудящиеся многих профессий. Докеры и железнодорожники бастовали в знак солидарности несколько раз. В Париж пришли со своими требованиями рабочие железорудных предприятий Лотарингии. Сбор средств в помощь бастующим горнякам шел по всей стране; деньги по традиции собирали в развернутое профсоюзное знамя — знамя солидарности. Трудно даже сказать, сколько людей поддержало так или иначе забастовку горняков, — миллионы. Массовость выступлений — вот первое, что обращает внимание в сегодняшнем рабочем движении.

Вторая примета сегодняшнего дня — выдающееся упорство классовых битв. Все, вероятно, помнят героическую эпопею Деказвиля (Франция). Протеста против уродств технического прогресса в условиях капитализма, две тысячи французских шахтеров 19 декабря 1961 года спустились в шахты и на целых два месяца отказались подниматься из подземелья. В Соединенных Штатах Америки стачка печатников Портленда длилась 8 месяцев, стачка 16 тысяч рабочих судовой промышленности «Блетхем стил» — 5 месяцев. Рабочие завода «Мишлен» в Италии боролись под лозунгом «Мы продержимся на день больше, чем хозяин». Они бастовали два месяца и победили.

Наконец, третье, чем сегодня радуется рабочее движение: стачечная борьба трудящихся приобретает все более яркую политическую окраску. Вот выразительная статистика: в 1958 году в политических забастовках участвовало меньше половины стачечников, в следующем году — уже 56 процентов, а еще год спустя — около трех четвертей всех бастовавших!

Чтобы оценить силу этих выступлений, вспомним хотя бы самые значительные из них.

Мощные, отлично организованные, повторяющиеся весенние выступления японских трудящихся привели к падению правительства Киси, трижды срывали принятие парламентом реакционного закона о «предотвращении политического насилия». Всеобщая забастовка в Италии летом 1960 года заставила уйти с арены клерикально-полицейское правительство

Тамброни. На рубеже 1960 и 1961 годов выступление масс в Бельгии привело к банкротству правительство Эйкенса, выдвинувшего «закон нищеты». Французский народ в конце 1961 и начале 1962 года всеобщей забастовкой потребовал мира в Алжире и обуздания оасовских фашистов.

Все это были события не только национального, но и международного значения.

В своей политической борьбе мировой пролетариат выступает за укрепление мира, разоружение, расширение демократических свобод. Благодаря этому его поддерживают самые широкие слои населения. В хронику последних лет прочно вошли такие формы совместных, массовых выступлений народа, как «дни единых действий» в Японии или «национальные дни борьбы» в Италии и Франции. Эта сплоченность сохраняется и в экономической борьбе разных слоев населения за лучшие условия и оплату труда. Японские врачи нашли поддержку у рабочих страны. Пролетариат Англии поддержал отечественных медсестер, добивавшихся улучшения жизни. Французские рабочие подали руку товарищества крестьянам, выступления которых позапрошлым летом были длительными и упорными.

Выросла и интернациональная солидарность трудящихся. В наше время рабочий класс твердо следит за событиями не только в своей стране, но и на мировой арене. С готовностью протягивает он руку помощи своим зарубежным братьям, будь то шахтеры Деказвиля или машиностроители Милана, австралийские докеры или японские рыбаки. Последняя забастовка шахтеров Франции нашла отклик во многих странах. Советские и польские докеры отказались грузить уголь для Франции. Испанские, немецкие шахтеры, рабочие многих стран, Всемирная федерация профсоюзов протянули руку помощи французским рабочим.

От внимания прогрессивных сил ныне не ускользает ни одна антинародная вылазка империализма, в какой бы части света она ни была предпринята. Народы Азии и Африки, борющиеся за свою свободу и независимость, получают огромную поддержку со стороны трудящихся всего мира. Волна протеста поднялась не так давно в ответ на военную угрозу, предпринятую Соединенными Штатами против революционной Кубы. А совсем недавно мир стал свидетелем новой тягчайшей драмы: зверской расправы иракских властей с лучшими сынами нации — руководителями и активистами Иракской коммунистической партии. Эта трагедия у всех еще жива в памяти, и жива в памяти буря возмущения, выраженная передовыми людьми всех стран, коммунистическими и рабочими партиями. Траур, который ощутили в сердце миллионы честных людей земли, — несокрушимый памятник погибшим, свидетельство огромного авторитета коммунистов, подающих пример бесстрашной борьбы за всеобщее благо.

Майские колонны мира сегодня многолюдны, как никогда, и, как всегда, в авангарде их выступает наша страна. Советский народ добился огромных экономических успехов. Сегодня наши замыслы величественны особенно. Полным ходом идет создание материально-технической базы коммунизма. Сельское хозяйство страны, вооруженное современной техникой, дружное с наукой, делает уверенные шаги к главной цели — созданию изобилия продуктов. Советская наука подняла свой вымпел на космические высоты. С мощью Советского государства вынуждены теперь считаться самые непримиримые враги социализма, слово его остается неизменно веским во всех международных делах.

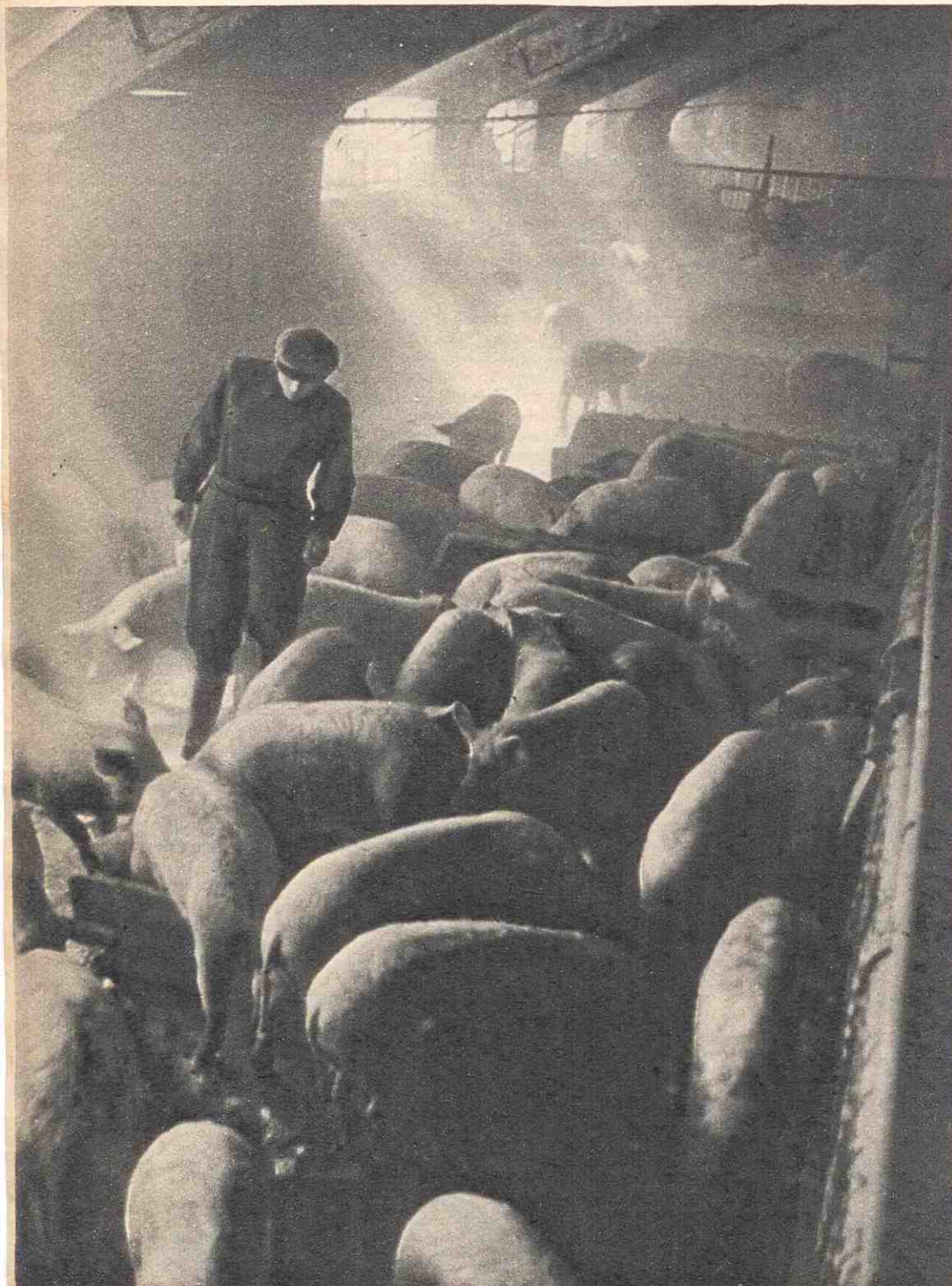
Благодаря настойчивой защите мира, прав народов на самостоятельность и независимость, благодаря верности интернационализму СССР пользуется высоким доверием и авторитетом у всех простых людей. В нашей программе звучат те же добрые слова: МИР, ТРУД, СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО.

Этим девизом сегодня мы салютуем Земле, Маю — месяцу красных знамен, первого весеннего грома и грома рабочих башмаков, печатающих шаг в праздничном параде.

Вит. МОЕВ

Слово к Маю

ПОТОК

Немало профессий сменил Иван Никитович Корнилов за свои неполных тридцать лет. Был пастухом, плотником, работал в овощеводческой бригаде. Позже, в армии, приобрел профессию электрика. После демобилизации был подручным кузнеца, трактористом. Но ни одна из этих специальностей по-настоящему не прикипела к сердцу.

Бывало, придет жена с фермы (свинаркой она работает вот уже 12 лет), веселая, раздумывавшаяся, начнет рассказывать о работе, на что-то сердится, чему-то радуется, а Ивану от разговоров этих не по себе становится. Вот ведь, думает, нашла Нюра дело по сердцу, я же словно в стороне стою.

В то время Корнилов работал на мельнице, и ему часто приходилось возить корма на свиноферму. Сам еще не зная зачем, приглядывался к работе свинарок, прислушивался к их разговорам, незаметно для себя входил в их заботы. Анна радовалась, видя, как муж «заблевет» делами фермы. В один из вечеров Иван прочитал жене статью о работе известного свинаря Бартулиса.

— Вот человек! — взволнованно говорил он Анне, отложив газету. — Две тысячи свиней откармливает. А у нас? 150 на свинарку. Разве это работа?!

— Ишь ты какой критик! — обиделась Анна. — Говорить легче всего. А ты попробуй-ка за теми же ста пятьюдесятью походить.

— Я на первый раз 650 возьму. А там поглядим.

...«Оформление» в свинари было недолгим. Руководство совхоза охотно отдало в распоряжение Корнилова один свинарник и 650 четырехмесячных откормочников.

Вместе с плотниками и слесарями Корнилов убрал из свинарника станки, установил автопоилки, отремонтировал подвесную дорогу.

Все это, конечно, не было полной механизацией. Корма замешивал вручную в деревянном ящике-запарнике. Потом разносил их по кормушкам, убирал навоз и вывозил его в люльке подвесной дороги.

По вечерам приходил домой усталый, осунувшийся, скидывал грубую, забрызганную мешанкой парусиновую куртку, долго умывался и молча садился за стол.

— Уморился? — спрашивала Анна.

— Устал, конечно. Но ничего: назвался груздем — полезай в кузов...

Анна едва приметно улыбалась и молчала, боясь обидеть мужа каким-нибудь неосторожным вопросом.

Зато теща не пропускала случая вступить с зятем в деловой разговор. Екатерина Захаровна чувствовала, как нелегко ему приходится.

— Батюшки! И как же ты управляешь с такой оравой? Одного корма, поди, нужен целый вагон.

— Ничего, мать, справлюсь.

— Справиться-то справишься, да ведь гляди как уходился...

— Вот построят новый кормовой цех, механизированный, тогда я в весе и прибавлю,— отшучивался Иван.

— Помощника бы себе взял,— не унималась Екатерина Захаровна.— Хоть бы и Ньюру,— кивала она в сторону дочери.

* * *

Смелость Корнилова обратила на себя внимание не только руководителей совхоза, но и тех, кто так или иначе был связан с работой на животноводческих фермах.

И уж, конечно, жарче всех обсуждали это событие свиарки. Им по душе пришелся тот размах на ферме, который обещал в дальнейшем бесстаночный метод содержания свиней. В их торопливых разговорах и спорах не было и тени насмешки над первым в совхозе мужчиной-свиарем, чего так опасался Корнилов.

В первые дни женщины старались встретить Ивана по дороге домой, будто по какому-нибудь делу, нарочно, заглянуть в его свиарник, спросить о чем-нибудь. А когда время позволяло, сходились у красного уголка фермы и пустились в рассуждения:

— Иван-то как?

— Да ничего, справляется. Теперь свиарей-то у него тысяча. Вот только как бы нам не подвести его. Однообразные поросята ему нужны. И не сотня, не две — по тысяче разом.

Последнее обстоятельство заставило всех задуматься. В самом деле, не получится ли так, что Корнилов будет испытывать нехватку откормочников?

— Трудная задача, бабоньки,— вступила как-то в разговор Прасковья Петровна Агапова.— Надо нам работать по-заводскому. Там ведь как? Если сделали сто моторов к автомобилям, то столько же делают и кузовов. Поток, одним словом. Вот и у Ивана такой же поток наладить надо, чтобы одинаковое число свиней в его цехе было круглый год. Иначе и он опозорится и мы,— закончила Агапова.

— Правильно!

— Не дадим Ивану простаивать!

...О том, как лучше организовать работу на свиарферме, думали и в дирекции совхоза. Зоотехники провели учет свиней по возрастам. Оказалось, что все откормочное поголовье можно разбить на три большие группы: от рождения до двух месяцев, от двух до четырех и от четырех до семи-восьми месяцев. Если их переводить из группы в группу, это создаст своеобразный поток, обеспечивающий равномерный откорм животных и сдачу мяса государству. Значит, надо добиться того, чтобы в любое время года количество свиней в возрастных группах было примерно одинаковым. Иными словами, к моменту отправки партии уже откормленных свиней на заготовительный пункт такая же по количеству партия должна быть «на подходе» в откормочное отделение.

Вскоре в совхозе состоялось совещание животноводов. Название ему дали короткое, но емкое: «Больше, лучше, дешевле». Высказывались различные

«Поток» начинается с таких вот малышек. Пройдет два месяца — и свиарка Татьяна Алексеевна Кондратьева передаст их в старшую группу. А еще через два месяца они пойдут на откорм.

мнения, но все сошлись на том, что позже получило название «бесстаночный крупногрупповой интенсивный метод откорма свиней».

Первое условие такого метода — туровые опоросы. Они давали возможность получать тысячи поросят в одну-две недели. А это, в свою очередь, открывало широкие возможности для повышения производительности труда, лучшего использования кормов.

Раньше, когда свиньи разных возрастов содержались вместе, старшие и более сильные поедали корма маленьких и слабых поросят. Те хирели, а иногда и гибли. В однообразных группах все животные развиваются одинаково быстро. Обслуживать их легче. За каждой группой ухаживают две-три свиарки вместо пятнадцати.

Чтобы поросята росли сильными и здоровыми, хорошо прибавляли в весе, подсосных маток кормят отдельно от них. При этом так, чтобы они не жирели, а молока давали больше: первые несколько дней — только ячменной болтушкой, потом добавляют сочные корма. На десятый день после опороса дается полная норма. Два раза в день маток выгоняют на прогулку.

Прием поросят — самое хлопотливое время. В совхозе вот уже несколько лет подряд опоросы проводятся в несколько туров. За 5—10 дней в каждом свиарнике появляется до 500 поросят. Тут только следи, чтобы какая-нибудь небрежная «мамаша» не задавила малыша, чтобы все они росли ровно, не было заморышей.

Новые заботы прибавляются и после того, как поросят начинают подкармливать. Ведется своеобразная борьба с так называемыми «сосунами», которые не едят подряд, а высасывают из мешанки только жидкость и потому хиреют.

Чтобы таких не было, на пятый день после опороса всем малышам дают сухое дробленое зерно. Кормят они в специальных столовых, оборудованных между каждыми двумя клетками. В каждой клетке, как правило, две-три матки с поросятами.

За первый же, 1960 год работы Корнилов откормил 4 087 свиней — почти в три раза больше, чем обещал. И своим успехом он был обязан тем, кто выращивал поросят. В том первом году работы по-новому старейшая свиарка совхоза Прасковья Петровна Агапова на одном из совещаний сказала:

— Поток свиней на откорм должен нарастать. А начало ему даем мы, те, кто получает и выращивает поросят до двухмесячного возраста.

И она предложила начать соревнование за то, чтобы каждая свиарка за год получала не меньше тысячи поросят.

Предложение было принято. Правда, кроме Агаповой, никто никаких обязательств не подписывал, но все почувствовали: от них ждут большего, чем раньше. И они делом ответили на призыв своей старшей подруги: почти все вырастили по тысяче поросят за год. Поток действовал бесперебойно.

* * *

В сентябре прошлого года в совхозе построили новый типовой кормоцех. Посредине его проходит кормопровод — труба с жестяными расширенными книзу отводами к каждой кормушке. Из смесительного отделения измельченные и увлажненные корма поступают одновременно во все кормушки. Во время кормления свиньи уже не создают тот копошащийся, визжащий и хрюкающий хаос, как при ручной раздаче кормов. Насытившиеся животные, не мешая дру-

гим, по закрытым, утепленным коридорам идут на отдых в расположенные по обеим сторонам «столовой» помещения с дощатыми логовами.

Год от года увеличивается поток свиней. В 1962 году Корнилов откормил уже 5816 свиней общим весом более чем пять с половиной тысяч центнеров. Себестоимость центнера привеса была 45 рублей 66 копеек — почти на 22 рубля ниже плановой. Затраты на каждый центнер свинины по сравнению с 1960 годом снижены в два с лишним раза. Среднесуточный привес доведен до 425 граммов.

Иван Никитович с утра до вечера пропадавал в своем цехе. Шутка сказать: здесь одновременно «столовались» до двух тысяч свиней.

Все видели, что Корнилов стал работать, что называется, «на втором дыхании», что ему нужен помощник.

— Помощника тебе надо, Иван Никитович, — осторожно начал однажды бригадир фермы. — Разве можно и дальше одному работать? Ни к чему такое геройство.

— Это кому — одному?

— Да тебе.

— Плохо ты считаешь, — возразил Корнилов. — Кочетков помогает мне навоз вычищать — раз, Колесников и Ацапкин подвозят корма — вот уже три человека. Егор Васильевич Ровнов, ко-

По вечерам в семье Корниловых любят посидеть у радиоприемника, послушать последние новости.

В Р У К А Х О Д Н

Из года в год получало наше звено самые высокие в колхозе урожаи сахарной свеклы: 300—400 центнеров с гектара. Казалось бы, чего еще? И почет и дополнительная оплата за сверхплановый урожай. Но соберемся, бывало, в обеденный перерыв, и пойдут разговоры о колхозных наших делах. Все чаще стала улавливать я в этих разговорах нотки тревожной неудовлетворенности: мол, жизнь какая идет, до космоса уже добрались, а мы, как в старину, с тяпкой...

Задевали они меня за живое. Понимала я: действительно, топчемся мы на месте. Как было у нас десять лет назад по гектару свеклы на каждую работницу звена, так и осталось. А больше никак не обрабатываешь, когда вся «техника» у тебя — руки да тяпка.

Где же выход из положения?

Зашла ко мне как-то Александра Алексеевна Каледина — я с ней вот уже девятнадцать лет работаю — и говорит:

— Слышала я, Ирина, будто вывели ученые одностороннюю свеклу. Насколько это прорывку облегчит! И еще говорил агроном, что новый способ обработки сахарной свеклы есть. Букеты нарезаются тракторным культиватором. Достать бы одностороннюю свеклу да механизированную нарезку букетов применить.

Решила я поехать в Институт сахарной свеклы, благо он в нашей Воронежской области находится. Там-то я впервые увидела одностороннюю свеклу и познакомилась с механизированным способом нарезки букетов. Работники института охотно дали нам семена односторонней свеклы и взялись помочь освоить новый метод обработки. Им важно было проверить его в производственных условиях.

Весной 1960 года впервые посеяли мы одностороннюю свеклу. Взшло по 32—33 ростка на погонном метре, а обычной свеклы на том же метре было бы не меньше

100—120 ростков. К тому же при букетировке культиватор делал вырезы в 24 сантиметра поперек рядков, оставляя для прорывки букет в 8 сантиметров длиной. В таком букете, как правило, 2—3 ростка. Значит, удалять надо всего лишь 1—2. И что же: по 5 гектаров сахарной свеклы сумела обработать каждая работница нашего звена! При чем получили с каждого гектара больше 400 центнеров корней. Результат этот буквально ошеломлял: за один год производительность труда поднялась в звене без малого в пять раз!

Не хуже поработали мы и в 1961 году. По нашему примеру появились в области еще звенья пятигектарниц.

И все-таки, хотя и похвалили наше звено на Воронежском совещании передовиков сельского хозяйства, чувствовали мы: далеко не все еще сделали.

Почему, например, свекла в колхозе всегда хорошо родит, а зерновые дают средние урожаи? Не потому ли, что каждая сотка свеклы у нас закреплена и от того, что на ней вырастет, зависит заработок? А вот зерновые, как беспризорные. Пашет один, сеет другой, убирает третий. И оплата идет не за то, какой урожай выращен, а за выполнение нормы. На мой взгляд, это полная обезличка.

Задумались мы: как же покончить с такой безответственностью?

Ответ нашли в аккордно-премиальной системе оплаты труда. К примеру, заключает звено с правлением договор, по которому с весны и до осени каждому члену звена выплачивается ежемесячно только аванс, а окончательный расчет идет только после того, как собран и реализован урожай. За бригадой закреплена земля, техника.

Попросили мы правление выделить нам технику, закрепить за звеном постоянных механизаторов и взялись выращивать не только сахарную свеклу, но и зерновые. Выделили нашему звену три трактора, три комбайна:

чагар, для меня воду греет, Левин и Артамонов следят за корморезкой и вообще за машинами... Это уже сколько? Шесть. Да и вы мне помогаете. Не правда ли?

— Ну и что? Раньше-то, посчитай, на откорме было занято почти сорок человек. Это ли не успех?!

— Успех. Только не мой, а всех нас. Всем и спасибо надо говорить.

— А все-таки трудно тебе, Иван Никитович,— не отступал бригадир,— и помощник тебе, я думаю, нужен. Надежный помощник.

Корнилов улыбнулся.

— Вот и теща мне тоже твердит: бери Анну к себе, веселее дело пойдет.

Несколько дней спустя Корнилов уже работал в кормоцехе вместе с женой. После ее прихода осуществил он давнишнее свое желание: побывал у знатного ростовского свинаря Григория Павловича Плотникова.

— Ты знаешь, Нюра,— делился он с ней по приезду.— Плотников в основном кормит сухими кормами. Но ведь то юг, а в наших условиях, наверно, все-таки лучше давать хорошо увлажненный корм: меньше энергии свиньи затрачивают на его переработку. Как ты думаешь?

— Конечно, мокрое-то легче глотается, сам посуди,— смеется Анна.— Вспомни-ка лето. Зерна было мало, давали больше клевера да гороха, а привесы какие были?

— В июне, помнится, 632 грамма в сутки.

— Вот видишь!..

В феврале в совхозе по всем отделениям и фермам прошли собрания. Обсуждали письмо работников сельского хозяйства Усть-Лабинского производственного управления Краснодарского края. Супруги Корниловы обязались за год откормить уже 7 400 свиней— почти на две тысячи больше, чем в прошлом году, себестоимость привеса снизить на 20 процентов.

— Осилим, Нюра?

— А почему нет?

И осият. На этот счет у них есть свои соображения.

— Под самую завязку не берем, оставляем резервы,— простодушно объясняет Корнилов.— У нас в стране плановое хозяйство. Если пообещали столько-то, значит, от нас столько и ждут. А что получится, если не сдержим свое слово, дадим меньше обещанного? Значит, где-то будет неувязка, недостача, срыв снабжения.

Что ж, у депутата Верховного Совета Российской Федерации Ивана Никитовича Корнилова государственный подход к делу!

...Каждое утро чуть свет торопятся на ферму двое— муж и жена. Десятки доброжелательных глаз прозирают их. «Бригада Корниловых уже пшла»,— говорят хозяйки и торопятся накрывать на стол.

В. КОРЕШКОВ

Фото С. ВЕТЧИНИНА.

Совхоз «Беднодемьяновский», Нижне-Ломовское производственное управление, Пензенская область.

Евг. КОНСТАНТИНОВ

Полдень на реке

*Улыбчивая, светлая
Уфа — моя река —
Баюкает приветливо,
Полощет облака.*

*Вот выбежала, зарится
На луговой простор,
Вот снова извивается
Среди мохнатых гор.*

*И так бушует солнышко,
И сыплет зной такой —
Вспотели елки с соснами
Смолою медовой.*

*Вспотели под тулупами,
Спасенья нет нигде,
И вот они уступами
Спускаются к воде.*

*Готовы в речку кинуться,
Лишь только допусти,
Но не пускают к берегу
Ревнивые кусты.*

*И, значит, до заката им
Глядеть издалека,
Как блещет перекатами
Уфа — моя река.*

О Г О Х О З Я И Н А

зерновой, кукурузоуборочный и свеклоуборочный. При технике — 6 механизаторов да нас десять, свекловичниц.

Теперь круг наших дел и забот намного расширился. За звеном закрепили 716 гектаров земли. Муж мой, механизатор, очень сомневался в успехе:

— Подумай только: в прошлом году отвечала ты за 50 гектаров сахарной свеклы, а теперь свеклы 95 гектаров, озимой пшеницы 177, ячменя 98 с хвостиком, гороха 50, да кукурузы 142 гектара, да еще проса 164 гектара.

— Ничего, управимся,— бодро отвечала я, а у самой на душе было неспокойно. Еще бы: столько земли лет десять назад приходилось на целый колхоз!

Весна на селе начинается задолго до первых ручейков. Всю зиму возили мы на поля удобрения, готовили семена. И надо было видеть, с каким тщанием велась очистка и протравка семян, как работали механизаторы на вывозке удобрений! Прямо скажу: себя не жалели ни мы, ни механизаторы. Раз уж доверил нам колхоз столько земли, должны мы были оправдать это доверие.

Зимой, как в страду, работали. Заранее и об уборке побеспокоились. Комбайн-то и скосит и обмолотит, а вот как заскирдовать солому?

Если будем скирдовать вручную, то шестнадцать человек с этим не справятся.

— Надо доставать стогометатели,— сказали мне механизаторы.

Поехала я в Воронеж, немало порогов обила, пока достала стогометатели.

Забегая вперед, скажу: оправдали мы доверие колхоза, 426 центнеров сахарной свеклы взяли на каждом гектаре, а в среднем по колхозу вышло 230. Каждый гектар зерновых и зернобобовых дал по 28,5 центнера с гектара, а среднеколхозный урожай — 22 центнера. На кукурузе же разница еще более ощутима: мы получили по

43 центнера на круг, а остальные едва перешагнули за 20. Вот теперь, сравнивая эти цифры, сравнивая себестоимость свеклы и зерна в нашем звене и в целом по колхозу — а она у нас намного ниже,— видишь, какие огромные резервы таит в себе наше хозяйство. Но, чтобы привести их в действие, нужно ввести новые формы организации и оплаты труда во всем колхозе. Надо, чтобы каждый был заинтересован не только в выполнении норм, но и в том, какой урожай даст его поле.

Я могла бы привести десятки примеров того, как ответственность за землю и материальная заинтересованность в том, чтобы с меньшими затратами труда получить более высокий урожай, поднимали людей на большие дела.

Комбайнер Константин Бакасов за десять дней убрал 500 гектаров зерновых, хотя, по расчетам, эту работу можно было сделать лишь двумя комбайнами.

А труд наших женщин? Его смело можно поставить в пример: во время прорывки работали они от темна до темна, забывая себя.

Но никто не жалуется на тяжесть работы. Урожай и оплата приносят каждому из нас огромное удовлетворение. В среднем каждый член звена получил за семь месяцев около полутора тысяч рублей.

Заканчивая, мне хочется еще раз сказать: применение нового, передового в технологии, в организации труда и оплаты — главный резерв повышения урожайности. И если наш скромный опыт поможет другим, мы будем очень рады.

И. ЩЕРБАКОВА, депутат Верховного Совета СССР, звеньевая механизированного звена колхоза «Россия»

Панинское производственное управление, Воронежская область.

Двое из тысяч. Передовые бетонщики
Нина Цыганкова и Анатолий Корнилов.

Покорение Енисея началось с того, что от гранитного русла реки отгородили временными плотинами-перемычками котлован и, осушив его, построили в нем часть водосливной плотины, которую в дальнейшем будут наращивать.

Второй, более значительный шаг к покорению Енисея был сделан в конце марта этого года — перекрытие реки.

Кому посчастливилось попасть на перекрытие Енисея, тот испытывал удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение. В эти дни, когда потребовалось напряжение всех сил, чтобы одержать победу в решающей схватке с могучей рекой, огромный коллектив Красноярской ГЭС жил по «железному» графику, составленному штабом. В течение долгих суток все, начиная от шофера и кончая командирами великой стройки, были в состоянии героической приподнятости. Все они были равны в своей самоотверженности, самозабвенной увлеченно-

Е Н И С Е Й И С К А Я Л И

Рек в нашей стране тысячи, но самая многоводная, бесспорно, Енисей. Начинается он почти на границе с Монголией и на протяжении четырех тысяч километров перерезает Сибирь. Ежегодно Енисей несет в холодное Карское море около 550 кубических километров воды. Это почти в двадцать раз больше, чем отдает морю Дон, в десять раз больше, чем Днепр, в два с лишним раза больше, чем Волга. Да и течет Енисей куда быстрее!

Об этом сибирском исполине Антон Павлович Чехов писал: «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость...» Пророчески звучат слова писателя, что со временем берега Енисея осветит «полная, умная и светлая жизнь».

Это время настало. Енисей разделит ту же участь, что и другие реки, перехваченные бетонными поясами плотин. Его тоже обуздают, заставят покорно вращать турбины гидроэлектростанций. Здесь строят каскад из самых крупных в мире ГЭС, в том числе Саянскую, Красноярскую, Енисейскую, Осиновскую. Общая их мощность — 20 миллионов киловатт.

Новые ГЭС, объединенные высоковольтными магистралями, примкнут к

каскаду ГЭС на соседней реке, Ангаре, а также к сверхмощным тепловым электрическим станциям, которые построят на угольных бассейнах. Все эти станции войдут в Единую энергетическую систему Центральной Сибири.

Созвездие электрических солнц преобразует просторы Сибири. Ведь здесь природа накопила баснословные клады: бокситы, нефелиновые сиениты, из которых выплавляют алюминий, а также железо, марганец, молибден, золото, медь и многое другое. А сколько тут леса! Десятки миллионов гектаров занимают сибирская лиственница, кедр и другие ценные породы.

Советский человек приступил к покорению Енисея. В 40 километрах от Красноярска, возле ранее никому не ведомой деревни Шумихи, сооружается первенец могучего каскада — Красноярская ГЭС.

Место для строительства выбрано удачно: Енисей, прорвав гранитные горы, течет здесь в сравнительно узком русле, поперек которого и воздвигнут плотину высотой 120 метров. Наткнувшись на несокрушимую преграду, Енисей, постепенно поднимаясь, образует новое пресное «море», Красноярское. И отсюда, с сорокаэтажной высоты, ринется на турбины.

Мощность каждой из них равна Днепророзсу — 500 тысяч киловатт. Мир еще не знает столь могучих агрегатов. Их будет десять.

сти, настоящей любви к тому огромному делу, которому служат.

И вот пришел час. 23 марта в 7 утра заревели сирены. Наступила непривычная тишина. Вдали низовая перемычка котлована дрогнула, взметнулась ввысь, ветер донес глухой гул взрыва.

Прошел еще день — и строители взорвали противоположную перемычку.

Теперь река неслась по двум руслам — прежнему, который называли прораном, и новому — через недостроенную часть плотины в котловане. Расход воды словно раздвоился. А это облегчало закупорку прорана: ведь течение в нем ослабло.

На других реках наводили мосты, и автомашины, подъезжая поочередно, сбрасывали камень вниз, закупоривая русло.

Красноярцы отказались от моста, сэкономя этим немало средств. Они перекрыли Енисей иначе, так называемым пионерным способом, очень дешевым и простым.

Заранее было подготовлено все необходимое для перекрытия: огромные куски скал, щебень, песок, бетонные «сундуки». Водители большегрузных самосвалов провели генеральную репетицию. Каждый знал, через какой интервал будет подвозить свой груз к прорану. Вереницами шли автомашины во время штурма реки. На бетонных глыбах четко выведены слова: «Енисей будет покорен», «Я тебя покорю, Енисей!».

«Енисей будет работать на коммунизм». Беспредельно в воду летели обломки скал, гравий, песок. Река ревела, бушевала, но была вынуждена постепенно сдать свои позиции. С каждым часом проран становился все уже.

Все меньше воды шло через него и больше — через котлован. Река еще сопротивлялась, надеясь вырваться из каменных тисков. Напрасно! Еще немного усилий — и прорана нет. Это случилось спустя шесть с половиной часов после начала штурма, хотя сперва по плану намечалось завершить перекрытие за двое суток.

Пока строится Красноярская ГЭС, уже начинается подготовка к строительству второй станции каскада, еще более мощной — Саянской ГЭС. Пуск первого агрегата Саянской ГЭС намечается осуществить в 1970 году, к столетию со дня рождения В. И. Ленина, чья крылатая мечта — увидеть озаренную светом Россию, — может быть, впервые зародилась здесь, на диких берегах суровой, неприступной реки.

В 1897 году к енисейскому берегу километрах в 40 от Красноярска, к Старо-

Енисей еще сопротивляется. Но немного усилий — и он будет перекрыт.

Г Е Н Д А

му скиту, причалил пароход «Святой Николай», на котором ехали в ссылку В. И. Ленин и его товарищи Г. М. Кржижановский и В. В. Старков. Пассажиры сошли на берег. Вместе с друзьями поднялся на гору Владимир Ильич. Разложили костер. Вглядываясь в густеющий мрак, слушали далекий могучий гул реки и думали о судьбах России. И этот костер, и возможность поделиться своими думами с друзьями и соратниками, и пение только-только рожденных песен — «Варшавянка», «Беснуйтесь, тираны», — все это было их маевкой, потому что это происходило в канун Мая...

А потом, спустя два десятилетия, когда рождался великий план ГОЭЛРО, вспомнил Ильич и эту ночь, и костер, и свои думы, и могучую сибирскую реку.

Может быть, это только легенда. Пусть так. Но разве не живая легенда — перекрытие Енисея? Не легенда ли эти удивительные люди, возводящие плотину, проложившие дороги среди диких гор?

Пройдет всего лишь два года. И встанет над рекой великолепное сооружение двадцатого века. Первые его агрегаты начнут давать промышленную энергию, самую дешевую в мире. Из вод Енисея поднимется солнце, управляемое человеком.

Да разве не легенда — люди, творящие это чудо?!

Фото Е. ХАЛДЕЯ.

ЖЕНЩИНА-СОЛДАТ

Г. ПЛАСКОВ,
гвардии генерал-лейтенант артиллерии

Ко мне домой как-то пришел неожиданный гость. Молодой человек протянул пожелтевший от времени листок похоронной.

— Я узнал, что моя мама воевала вместе с вами, — сказал он. — Очень прошу, расскажите мне о ней, о ее гибели...

Мы проговорили до поздней ночи. Когда он уходил, а уходил он какой-то приподнятый, взволнованный, будто повидался со своей героиней-матерью, я решил: мой долг рассказать о мужественных, славных женщинах-бойцах, с которыми я встречался на переднем крае борьбы с фашистами, на самой линии огня.

Мне запомнились прежде всего будничные дела женщин-солдат. Да, кстати, не так уж много было летчиц, танкисток, разведчиц. Основная масса несла на своих плечах скромный труд радисток и связных, поварих и санитарок. Но именно в том, как самоотверженно, как уверенно и спокойно они несли свою службу в сложной, грозной, порой смертельной обстановке, и был виден их неподдельный, истинный героизм.

Будто сейчас вижу перед собой юную сибирячку из колхоза «Октябрьская Революция» Таню Михалеву. Была она на фронте бойцом взвода питания. Вспоминаю, как, раненная, ползком, под ураганным минометным огнем тащила Таня к окопу термос, оставляя за собой кровавый след. К ней навстречу выбежали два бойца. Вместе с ними она доползла до наблюдательного пункта. Там Таню перевязали.

Немного отдохнув, она забрала пустой термос и снова под огнем отправилась к полевой кухне.

Вспоминаю двух замечательных девушек из Куйбышева — Полину Тарасову и Лидию Нестеренко. Они были студентками института кинематографии. И в их юность ворвалась война. Девушки добровольно ушли на фронт. Полина стала связисткой, Лида — медсестрой. Стойко переносили девушки все трудности фронтовой работы, фронтового быта, а в одном из боев, за деревню Джулинка, они обе, взяв в руки оружие, проявили подлинно мужскую отвагу.

Фашисты с боями, цепляясь за каждый удобный рубеж, отходили на западный берег реки Южный Буг. Джулинка была заполнена частями противника. Шел сильный уличный бой. Наблюдательный пункт корпуса наспех был развернут в большом доме в центре деревни. Сюда к нам приехал член Военного Совета Армии, душа и любимец солдат, генерал Петр Матвеевич Латышев.

Врагам удалось окружить дом. Они открыли по нему автоматный и ружейный огонь. Стреляли в окна, «прошивали» автоматными очередями двери. Полина и Лида вместе со всеми находившимися в доме вели ответный огонь из разбитых окон. Когда у нас появились раненные, и в их числе генерал Латышев, девушки стали оказывать им первую помощь. Лида привычными движениями разрывала обмундирование, бинтовала, делала противостолбнячные уколы. Помогала ей Полина. Перевязанного девушки отнесли в безопасное место и бросались к следующему раненому.

Молча, напряженно и как-то очень деловито работали они, будто вокруг не бушевал смертельный бой.

Не сумев заставить нас сдаться, гитлеровцы подожгли дом. Дым стал проникать в комнаты, где мы находились. Отстреливаться стало трудно, задыхаясь, мы были вынуждены лечь на пол.

И вдруг... крик и стон. Это немцы бросили в комнату ручную гранату, и, ни секунды не медля, Полина Тарасова схватила ее и выбросила в окно. Но осколком этой гранаты девушку ранило.

Лидия перевязала подружку, постелила на полу одеяло и бережно уложила ее на нем, а сама спустилась в подвал и, каким-то чудом выбравшись из дому, направилась в полк гвардейских минометных частей «катюш», которыми командовал полковник Зазириин. По дороге ранило и ее, но она все-таки полк разыскала.

Солдаты и офицеры, узнав от Лиды о нашем положении, бросились к осажденному дому. В коротком бою фашисты были истреблены, Джулинка полностью освобождена.

Обе девушки за этот бой были награждены орденами Красного Знамени.

На войне я был ранен не однажды. И многим-многим женщинам — санитаркам, врачам, няням — обязан тем, что каждый раз вновь возвращался в строй.

Особенно запомнилась мне медсестра Нина Иващенко, она оказала мне первую помощь в бою 2 мая 1944 года. А запомнилась своей какой-то особой судьбой.

Родом Нина была из Саратова. Работала на заводе, имела бронь. Но все время настаивала она на отправке на фронт и наконец добилась своего. Окончив двухмесячные курсы медсестер при армейском госпитале, Нина начала свой боевой путь. 186 тяжело раненных воинов вынесла с поля боя на своих плечах эта женщина. Двумя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу» наградили ее.

Ее труд, как труд десятков и сотен женщин-солдат, помогал ковать победу. Но сама Нина не дожидая до этого светлого дня. Она погибла накануне Дня победы, 27 апреля 1945 года, и похоронена недалеко от рейхстага.

И еще одна героическая женщина до сих пор помнится мне. После боя на подступах к Ямполю многих раненых из части Героя Советского Союза подполковника Гулеватого, сражавшейся там, невозможно было вывезти в тыл, предварительно не прооперировав тут же, на месте боя.

Из корпусного госпиталя прибыла высокая, стройная женщина, капитан медицинской службы, врач-хирург Нотик. Сойдя с машины, она приказала развернуть палатку, подготовить операционный стол и инструменты. Солдаты под руководством полкового врача и медсестер приступили к выполнению ее приказа.

Хирург направилась к больным. Ее слова, улыбка, ее мягкий голос вселяли уверенность в спасении.

Не отходя от лежавших на земле бойцов, она определила очередность операций.

Стемнело. К большой и просторной палатке, раскинутой в полутора километрах от противника, подъехали два грузовика. Бойцы подняли края палатки, и свет фар грузовиков озарил «операционный стол».

Всю ночь напролет хирург Нотик на простом хозяйственном столе проводила сложные операции. Отдыхала она только в те краткие минуты, когда ей подавали воду для мытья рук.

С рассветом наступление наших частей продолжалось. Но палатка осталась на месте, и хирург продолжала возвращать людям жизнь.

Дня через два мне с членом Военного Совета Армии нужно было вновь побывать в тех местах. Заглянули мы и к товарищу Нотик, в госпиталь. Пришлось ждать: женщина оперировала. А когда вышла к нам, первые ее слова были: «Все люди Гулеватого будут жить, многие вернутся в строй».

И вот победоносный май 1945 года. Как я восхищался тобой, боевая подруга, на улицах Берлина! В новеньком, с иголки, обмундировании, на виду у всего мира, стояла ты на перекрестке и регулировала движение. Да, никогда не забыть мне женщин, деливших с бойцами все тяготы фронтовой жизни. Вечная слава им — мужественным и скромным, храбрым и отзывчивым, умевшим в трудную минуту по-мужски твердо взять в руки оружие, а в минуту грусти — согреть ласковой улыбкой.

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ.

(Фрагмент)

В. АРТАМОНОВ.

Евдокия ЛОСЬ

Девчата былой войны

Как больно их обижали
За их шинели до пят!
От горьких обид дрожали
Губы у этих солдат.

Они в сапогах и валенках
Шагали путем войны,

И плакали на развалинах,
И мерзли в окопах они.

Мылись водою с глиной,
Причесывались под дождем,
Тужили по косам длинным
Под орудийный гром.

С винтовками и лопатами
(Дела военной поры)
Они были просто девчатами,
Что там ни говори.

Пугались посвиста мины,
Нескромных взглядов чужих,
А гинили, как мужчины
На горьких полях своих..

Перевел с белорусского

Вл. ПРИХОДЬКО.

КОММУНА ЗООТЕХНИКОВ

Тане Шутовой мы узнали у нее на родине — в Думиничском районе, Калужской области.

— Наш лучший животновод. На всю область гремела. Сейчас совхоз на свои средства учит ее в академии имени Тимирязева, — говорили о ней.

Мы заинтересовались и решили непременно разыскать Таню в Москве. Расспросить об учебе и жизни, о мыслях и планах.

Но когда Таня встретила нас в комнате студенческого общежития, первые ее слова были:

— Я не одна, у нас — коммуна, — и она представила своих подруг, третьекурсниц зоотехнического факультета — Валю Харчевникову и Нелю Киух.

ПОЧЕМУ ЗООТЕХНИКИ УЧАТСЯ НА ЗООТЕХНИКОВ

Все трое до поступления в академию уже работали зоотехниками. Валя и Нелю — после окончания техникума, Таня — учащаяся в институте заочно.

— Что же заставило вас снова сесть на студенческую скамью? — спросили мы.

Сначала девушки ответили коротко: убедились, что знаний недостаточно.

Позже, разговорившись, рассказали о себе подробнее.

...В маленьком поселке Чернозем давала домов. Отсюда Таня Шутова за семь километров ходила в школу. Сюда принесла бережно свернутый в трубочку аттестат зрелости. После школы осталась работать в совхозе: отец заболел, нужно было помогать семье.

Но мечта о продолжении учебы не давала покоя. В 1959 году стала Таня заочницей сельскохозяйственного института. Работать и учиться было нелегко: занималась урывками то дома, то прямо на ферме. А тем временем рос Танин практический опыт, ее умение. Стала она бригадиром животноводов, а позже сделали ее зоотехником отделения.

Однажды Таню пригласил партгор совхоза Григорий Петрович Фомичев.

— Есть к тебе серьезный разговор. Девушка вопросительно взглянула на него.

— Ты молодой специалист. Таким, как ты, в совхозе, так сказать, тон задавать. Ну, а задавать тон на сегодняшний день — это не только, скажем, по всем правилам о животных заботиться, а и о перспективах хозяйства думать, большую исследовательскую работу развертывать. Как, правильно я говорю?

— Конечно! — отозвалась Таня.

— Вот нам и хочется подготовить для совхоза настоящих специалистов. Решили направить тебя в Тимирязевскую академию. Как смотришь?

У Тани стучало сердце: учиться в Тимирязевке, в самом центре большой науки! Да она могла только мечтать об этом!

«Смотри! Чтоб академиком возвращалась», — напутствовали Таню в совхозе. Она и сейчас улыбается, вспоминая эту шутку.

Таковыми же напутствиями, полными горячей заинтересованности и веры, проводили из родных хозяйств и Валю Харчевникову и Нелю Киух.

И вот они встретились, три студентки зоотехнического факультета. Вошли в маленькую, с поблекшими синими обоями комнату общежития. Поставили возле голых кроватей по чемоданчику (за постелью еще нужно было идти к коменданту). Сели, будто в гостях, на краешки стареньких стульев. По-женски, с любопытством переглянулись и, видно, по душе пришли друг другу. Кто-то достал батон, кто-то — уцелевшие в дороге «подушечки». Заварили чай.

Сам собой завязался разговор о коммуне: хорошо бы в стипендию — деньги вместе, по очереди покупать продукты, по очереди стирать. Без долгих прикидок так и решили. Ведь это экономит столько времени! А оно так дорого — они приехали в академию, чтобы учиться вдумчиво, серьезно.

БУДНИ

Студенческие будни. Прежде всего это труд. В лабораториях, на опытной ферме. Работа с учебниками и конспектами. Это у всех.

— Ну, а у вас, практиков, наверное, особое отношение ко всему, что происходит в академии? — спрашиваем девушек.

— Конечно. Мы прежде всего ищем ответы на те вопросы, что возникли у нас еще во время работы, — откликается Нелю. — Вот, например, мы с Валей записались в кружок по племенному делу. Во-первых, это очень увлекательная работа. А главное — очень важная. У нас как-то принято мириться с «пестротой» стада. Бывает, даже скидку делают на беспородность: чего, мол, требовать от такого скота? А ведь и из тех коров, которыми сейчас располагают хозяйства, можно вывести отличный скот — и высокомолочный, и с большим процентом жирности в молоке, и отлично приспособленный к местным условиям.

— А в нашем совхозе, — вставляет Таня, — ведут сейчас работу по улучшению местного скота швицкой породой. Это и стало темой моего исследования.

Интересуют девушек и другие проблемы современной зоотехнии. Они уже не раз побывали в Доме ученых, на встречах с профессорами-теоретиками и практиками сельского хозяйства.

С особым пристрастием относятся девушки к такому предмету, как луговое хозяйство. Все трое работали в средней полосе России. И для них это прямо-таки больной вопрос. В совхозе у Тани, к примеру, 30 процентов природных пастбищ — заболоченный кустарник.

— Одна морока с этими лугами, — горячится девушка. — Выгонят туда, скажем, нагульный гурт. Где есть трава, скот поест, а потом делаем огромный перегон в поисках нового травяного островка. Вечером на ферму возвращается полуголодное, измотанное стадо.

Сейчас Таня с подругами, не пропуская ни слова, записывает лекции по луговодству. Они узнают, что экономически выгодно осушить заболоченные участки, выкорчевать кустарник, а есте-

ственные луга окультурить: «лысые» места вспахать и засеять многолетними травами — клевером, люцерной.

— На практику поеду, обязательно об этом с главным зоотехником посоветуюсь, — говорит Таня. — Сколько подкормки можно сэкономить при правильном уходе за лугами!

— Правильно, на практике можно начать... — подхватывает Валя.

Практика — это тоже один из вопросов, волнующих девчат. За последние годы резко изменился состав студентов академии — больше полозины из них уже имеет немалый опыт работы. Программы же практики остаются прежними.

— Подумайте, третьекурсниц зоотехнического факультета, уже работавший бригадиром или зоотехником, на время студенческой практики должен стать разнорабочим! Какой в этом смысл?

Предложения студентов сейчас рассматриваются ректоратом академии.

МЫСЛИ О ДОМЕ

Они пронизывают каждый день, прожитый в Москве. Даже такие, казалось бы, чисто личные мероприятия, как поход в Большой театр или Третьяковку, как-то увязываются с мыслями о доме.

Нелю дома, в колхозе, возглавляла самотеяльность. На районном смотре даже первенство они брали. И вот сейчас в Москве Нелю строит планы, как, вернувшись в колхоз, возьмется за самотеяльность по-настоящему. Почему только хор да декламация? Можно и драмкружок сколотить. Можно собрать коллекцию репродукций Третьяковки. Можно изучать даже классическую музыку, если купить нужные пластинки.

— В Москве хочется побольше увидеть, запомнить, чтобы было чем делиться дома. Дома-то по вечерам сужа, — поддерживает Таня. — Вот смотрите, что пишет мне подруга.

И Таня принялась читать письмо Веры Фетисовой, своей бывшей одноклассницы, ныне веттехника: «...О себе писать особенно нечего. Днем на работе, вечером схожу в кино или почитаю книгу, и на боковую. Такую бы жизнь только пенсионеру».

— Красноречиво, правда? А вот дальше: «...Сейчас перешли на такой рацион. Откорм свиней — 1 кг концентрированных кормов и 3 кг свеклы (включая обильную грязь). Как это на твой взгляд зоотехника?»

Да и работаем-то дедовским способом. Ножичком чистим, топориком рубим, ну иногда в бочке помоем. И это в наш век!»

— Ох, руки прямо чешутся! — горячо говорит Таня. — Вот вернусь домой, ни за что с подобными вещами мириться не стану!..

* * *

Мы долго еще беседуем в маленькой комнате студенческого общежития. И прощаемся с дружной коммунальной зоотехников с твердой верой: наши новые знакомые, люди смелой, пылкой мысли, станут отличными специалистами.

Ю. ХОРИЦКАЯ

Фото А. ШАПИРО.

На снимке (слева направо): Нелю Киух, Таня Шутова, Валя Харчевникова.

Нет,

ШИХТА

НЕ ТА!

Алим КЕШОКОВ

Когда в цехе объявили, что гость из Москвы расскажет о встрече руководителей партии и правительства с писателями и деятелями культуры, в красном уголке набилось столько народу, сколько мог бы вместить хороший клуб.

Уловатые, не очень-то разговорчивые на первый взгляд сибиряки, подталкивая друг друга, плотно обступили конторский стол, служивший мне трибуной.

Среди рабочих и работниц в брезентовых робах и широкополых шляпах я сразу узнал девушку, с которой познакомился полчаса тому назад в цехе, когда она на своем «коне» — автопогрузчике — возила жидкий алюминий от плавильных печей к разливному резервуару. Это была Галина Государева, одна из работниц цеха, в котором работает тысяча двести человек.

Я волновался: смогу ли рассказать доходчиво и просто, о чем шел большой и принципиальный разговор на встрече, достаточно ли начитаны люди, чтобы судить о произведениях художественной литературы?

Мои опасения были напрасны. Послушав мой рассказ, рабочие не спешили расходиться. На меня наседали со всех сторон, будто я приехал сюда держать ответ за все, что происходит в литературе и искусстве. «Почему сам Хрущев должен был заговорить о литературе и искусстве?», «Почему партия вновь напоминает писателям и деятелям культуры об их долге перед народом?», «Кому и зачем понадобилось высасывать из пальца проблему отцов и детей?»

Мое представление о сибиряках как о людях малоразговорчивых и невозмутимых рухнуло. По темпераменту и напористости не все кавказцы, пусть не обидятся мои земляки, могли с ними сравниться. Но больше всего меня удивила их начитанность. Парни и девушки наперебой называли авторов, персонажей художественных произведений, и не только называли, но тут же выносили им свой приговор.

Я слушал их горячие реплики и думал: вот молодежь, которая вместе со своими отцами строит коммунизм под руководством партии. Это с нею наш народ связал свои надежды на будущее. Это они преемники великих завоеваний старших поколений, славные преобразователи мира.

Какими ничтожными по сравнению с ними кажутся морально хилые, состарившиеся в юности люди, лишенные высокой цели и призвания, о которых говорил Никита Сергеевич в своей речи! А ведь это именно они, бездельники, решили противопоставить себя старшему поколению.

— Этих молодых старичков пришлите к нам, мы переплавим их в наших печах. Шлак уйдет, металл останется, — говорит бойкий на язык инженер Семен Чернов.

Но Галина Государева возражает:

— Нет, шихта не та! Из такой шихты металла не будет!..

Никита Сергеевич Хрущев, оценивая важное значение встреч руководителей партии и государства с писателями и деятелями советской культуры, сказал, что хорошая хозяйка снимает накипь, чтобы пища была вкусной. Так и в вопросах литературы и искусства партия должна следить за тем, чтобы накипь не портила вкус духовной пищи народа.

Рабочие взяли сравнение из хорошо знакомого им своего производства. Но и они решительно одобряют то, что партия приводит в чувство зарвавшихся, «повышает температуру» в литературе, чтобы отделить металл от нежелательных примесей.

Нельзя допустить, чтобы отдельные представители творческой интеллигенции, не заботясь о вкусовых достоинствах

приготавливаемой ими духовной пищи, бездумно следовали чуждым нам образцам буржуазного Запада, под видом многообразия форм навязывали субъективное искусство, пропагандировали сосуществование двух идеологий, предавая забвению принципы социалистического реализма.

«Только выдающиеся произведения большого революционного, созидательного пафоса, — говорил на встрече Н. С. Хрущев, — доходят до глубины души и сознания человека, рождают в нем высокие гражданские чувства и решимость посвятить себя борьбе за счастье людей».

Но вот случилось так, что иные литераторы полюбили в литературе только самих себя. Им недосуг было задуматься, как иной раз их стряпня отравляет сознание читателей.

Сорная трава заглушает культурное растение, если вовремя не очищать поля. Она способна натворить много зла. Так и в литературе. Партия еще раз напомнила: талант должен верой и правдой служить интересам народа, великим делам партии, и долг наших юношей и девушек — быть продолжателями революционных традиций отцов. А что они именно так понимают свой долг, ни у кого не оставляет сомнений. Поволнительно в этой связи рассказать очень коротенькую биографию — биографию Галины Государевой.

Отец ее погиб в Великую Отечественную войну. Галина росла с матерью, училась в школе, вступила в комсомол. Кончила одиннадцать классов и пошла на завод работать.

— Нет, не я пошла на завод, — смеется девушка, — сам завод ко мне в Шелехов пришел.

Действительно, цеха Иркутского алюминиевого завода вступили в строй в тот год, когда в жизни Галины отзвонел последний школьный звонок, а совхозный поселок стал городом, которому присвоили имя первого землепроходца Восточной Сибири Шелехова.

В огромном цехе то и дело слышишь:

— Галя! Государева!

Невольно спрашиваешь себя: что значит «Государева»? Прозвище?

Оказывается, нет. Государева — фамилия Галя.

— Громко звучит! — пошутил я.

— Громко, но пока не зная, — отшучивается девушка, но чувствуете, что она довольна своей фамилией. И только ли фамилией? Около нее фыркает автопогрузчик. На нем Галя возит горячий металл.

Когда видишь, с каким удовольствием работает девушка, как лихо, но точно подъезжает к миксеру, как синхронно опускаются «руки» подъемника к ковшу, понимаешь: Галя счастлива, ей ведом смысл жизни, и ее не будут обуревать жалкие сомнения.

И таких, как Галина Государева, у нас миллионы. Они стремятся к одному — быть полезными своему народу. И кто же их воспитал такими? Кто направлял их незримой, но внимательной и волевой рукой? Кто вселял в сердца их веру в свое будущее? Партия. И только партия. Никто другой.

— Как же, читали мы хилые, бескровные стихи, — говорит Галя. — И даже спорили. Одни говорили: за это деньги платят. А я доказывала: нет. Как же можно за такое деньги платить?! Ведь это же ржа, разъедающая человеческую душу!

Да, не на испорченной пище выросли Галя и ее сверстники!

Есть литераторы, которые исходят из того, что эпоха культуры Сталина — это эпоха отцов, догматиков, скомпрометировавших себя, а эпоха после XX и XXII съездов партии — это эпоха сыновей. Эти две эпохи противопоставляются друг другу, как противопоставляются и два поколения. Отсюда призыв искать новые пути, отличные от путей старшего поколения, отказ от его революционных традиций.

Но нашей советской молодежи никакими силами не внушить неблагодарной мысли, что отцы не выполнили своего долга перед Родиной, перед детьми. Она идет вперед под красным знаменем своих отцов, продолжая и развивая их традиции. А если кто и помышляет об ином пути, то это люди, о которых Государева Галина сказала: «Нет, шихта не та!»

На встрече Никита Сергеевич с большим удовлетворением отметил, что советский народ поддерживает партию и ее Центральный Комитет во всех вопросах развития литературы и искусства, считает так же, как и партия, идею сосуществования двух идеологий предательством.

Несколько часов провел я среди металлургов-сибиряков. Они спорили, требовали ответа на волнующие их вопросы. С ними было легко говорить, потому что их жизнь полна борьбы за чистый металл, без вредных примесей. Они хотят видеть и советскую литературу без вредных примесей, снижающих ее уровень.

СКОРО КОНГРЕСС

На улицах городов Финляндии женщины продают лотерейные билеты. Вырученные деньги пойдут в фонд конгресса женщин.

Приближается день, когда в Москве, в Кремлевском Дворце съездов откроется Всемирный конгресс женщин. Мы попросили секретаря Международной демократической федерации женщин Зинаиду Александровну Лебедеву рассказать, как идет подготовка к этому ответственному событию.

— В секретариате МДФЖ наступила горячая пора,— начала тов. Лебедева.— Письма и телеграммы приходят все новые и новые вестии о том, как женщины мира собираются встретиться свой конгресс. Во многих странах работают подготовительные комитеты, в некоторых уже избраны делегаты. Известно также, какие национальные организации выделили докладчиков. «Борьба за права женщин в обществе и семье» — тема выступления делегатки Италии; «Женщины за мир, разоружение и дружбу между народами» — представительницы Японии. Большой, животрепещущий еще во многих странах вопрос о борьбе женщин за национальную независимость поднимет африканка, а проблему здоровья, образования и воспитания детей и молодежи осветит делегатка Кубы.

Кроме упомянутых докладов, делегаткам предстоит заслушать отчет председателя МДФЖ Эжени Коттон о деятельности организации за время, прошедшее с последнего, созванного в 1958 году международного конгресса женщин.

— Нам интересно знать, как готовятся к конгрессу в далеких от Москвы

уголках земного шара — в Латинской Америке, Африке, Австралии.

— Из писем женщин Австралии мы знаем,— говорит Зинаида Александровна,— что в газетах Сиднея, Нового Южного Уэльса и других городов страны регулярно появляются сообщения о конгрессе. В Сиднее, Мельбурне, Ньюкасле успешно прошли «походы мира». Профсоюз портняжников в Брисбейне и Сиднее провел конкурс на «Принцессу мира». По условиям конкурса группы, не менее, чем в 10 человек, или общественные организации должны внести за право участия в конкурсе взнос в размере одного фунта стерлингов и привести три довода в защиту необходимости мира для женщин. Средства, полученные от конкурса, пойдут на оплату проезда делегатов на конгресс.

Женщины Австралии переписываются с женщинами Южной Африки. Молоденькая австралийка Флория Мелтцер совершила поездку в Южно-Африканскую Республику, чтобы познакомиться, как там живут и борются женщины.

На III конференции народов Азии и Африки в Танганьике звучали голоса женщин многих африканских стран. Они заявили:

Стремление покончить с нищетой, невежеством и угнетением, в которых веками держали наши народы колонизаторы, делает наше участие во Всемирном конгрессе женщин в Москве просто необходимым.

Мы получили письма из организаций женщин, живущих в странах,

еще не освобожденных от колониальной зависимости: в Анголе, в Федерации Родезии и Ньясаленда, Мозамбике. Сьерра-Леоне, на Коморских островах. Они пишут, что вопросы, которые будут обсуждаться на предстоящем конгрессе, для них жизненно важны.

— После той трагедии, которая разыгралась в Ираке, поступили ли какие-либо сведения от иракских женщин?

— Да. Совсем недавно нам было передано по радио выступление одной нашей иракской подруги. Она сообщила, что много женщин ее родины, радостно отмечавших ежегодно 8 Марта, выходивших на улицы с цветами, убиты или заключены в тюрьмы. Лига иракских женщин была запрещена в первый же день военного фашистского переворота. При новом режиме немедленно был отменен закон о равноправии женщин. Пришедшие к власти, словно звери, набрасывались на тех, кого не оставляла решимость защищать мир, национальную независимость и права народа. Они вторгались в дома и расправлялись с семьями, не щадя ни детей, ни стариков. Тюрьмы переполнены, в школах разместились концлагеря.

Женщины Ирака выражают уверенность в солидарности с ними женщин всего мира и ждут от конгресса реальной помощи.

— А как обстоят дела в Испании?

— Тяжелый гнет фашизма уже многие годы лишает испанский народ элементарных прав. Но испанцы стойко продолжают бороться. Лучшим свидетельством этого каждодневного героизма служит письмо простой испанской женщины в секретариат МДФЖ. Она посылает свои небольшие сбережения в фонд конгресса, чтобы помочь продолжению борьбы за сохранение мира и счастья народов во всем мире. Вот что она пишет:

«Если бы я могла, я бы оказала вам большую поддержку, но мой муж все еще в тюрьме, вот уже пятнадцатый год. Мне живется, как и большинству тружениц Испании, очень тяжело. Я была бы счастлива, если бы навсегда была ликвидирована опасность войны. А пока, дорогие подруги, мы должны все вместе, независимо от наших убеждений, цвета кожи, делать все возможное, чтобы обеспечить мир своим странам и счастье своим очагам...»

В Международную демократическую федерацию идут все новые и новые письма, телеграммы, в которых женщины пишут о своих надеждах, стремлениях, о своих делах по подготовке к конгрессу.

ТОСКУЮТ РУКИ БЕЗ РАБОТЫ...

Как-то встретился я с Митрофаном Митрофановичем Колотевым, председателем колхоза «Заветы Ильича», приехавшим в город на совещание.

— Ну, как дела у вашей Заглады? — пошутил спросил я его.

— А, вы о Марфе Романовне! — улыбнулся он. — Она молодец. На днях будем вручать ей переходящий красный вымпел и премию за хорошие надои.

Вскоре после выступления в печати украинской звеньевой Надежды Григорьевны Заглады пошла работать дояркой в свой родной колхоз 62-летняя пенсионерка Марфа Романовна Лашкова. Не могла она оставаться на покое, в стороне от общего дела. Тем более, что сил еще достаточно.

Много пережито и хорошего и плохого этой женщиной. Давно это было, когда молодая крестьянка Марфа Шалуева одной из первых вступила в колхоз, организовавшийся на хуторе Высоком. Назвали его тогда «Новая деревня». Крестьяне и впрямь начинали строить у себя новую жизнь.

Пахала, скирдовала, снопы возила. Потом пошла в доярки. Обзавелась было семьей, да неудачно. Осталась вдвоем с матерью.

Не всегда все гладко было на ферме. И кто же непорядки создавал? Сам заведующий. Сольет сверху молоко, а потом и говорит: «Везите!»

— Гриша! — однажды не выдержала Марфа. — Нельзя же так.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся тот. — Знай дои своих коров да помалкивай, не то...

Марфа Романовна не успокоилась. Пошла в сельский Совет. Трудно было, нашлись у заведующего защитники. Но правда все же взяла верх: ответил бывший заведующий за свои махинации.

Работать на совесть — такого правила всегда придерживалась Марфа Романовна. И за это уважали ее колхозники, фотография ее постоянно висела на доске почета.

Так и не заметила, как шестьдесят стукнуло.

Пришло время идти на пенсию. «Отдыхай, Марфа Романовна, — говорили ей люди, — ты заслужила это». Некоторое время колебалась, а потом сдалась.

Думала, заботы о престарелой матери, по дому отвлекут от мыслей о ферме, о людях, с которыми трудилась много лет

рядом. На время это удалось. Но все-таки тянуло на ферму. Забежит туда на минутку, подойдет к корове, а руки так и простираются к работе. Да тут еще стали применять доильные аппараты. Хорошо получается!

И вдруг услышала по радио выступление старой украинской колхозницы. Задумалась. «Ей 69 лет, и она все работает. А я ведь моложе».

Пошла в правление.

— Хочу работать, — сказала председателю.

— Вы? — от неожиданности растерялся он. — А не трудно будет, Марфа Романовна?

— Да нет. Думаю, что справлюсь.

И по глазам председателя Марфа Романовна поняла: одобряет он ее решение.

Волновалась, когда приступала первый раз к дойке. А вдруг отвыкла? Но нет, колы что умеешь и делашь с любовью, не забывается. Подоила, да еще как! А дальше пошло еще лучше.

Сейчас у Марфы Романовны 25 коров. За первый месяц своей работы Марфа Романовна надоила в среднем от каждой коровы по 180 литров молока. Показатель колхоза — 150 литров. В соревновании десяти доярок она заняла первое место.

Так опять вошла в колхозную семью пожилая женщина, руки которой не могут жить без дела.

А. ВОЛКОВ

Таловское производственное управление,
Воронежская область.

ТРУЖЕНИЦА

Хочется мне рассказать о моей односельчанке — замечательной труженице Анне Евсеевне Антоновой.

На ее плечах большая семья — шестеро детей, хозяйство. Муж, Иван Васильевич, заведует птицефермой. Другая женщина на месте Анны Евсеевны, возможно, полностью погрузилась бы в домашние заботы. Но не такова Анна Евсеевна.

Прошлой весной, после мартовского Пленума ЦК КПСС, труженики нашего совхоза серьезно задумались о том, как увеличить производство мяса. Было решено на месте бывших торфяных разработок оборудовать летний птичник. Строить специальные помещения не было ни времени, ни средств.

Разместили в лагере 40 тысяч голов птицы.

Понимала Анна Евсеевна, что нелегко будет работать под открытым небом. Но все-таки вместе с Анной Матвеевной Козловой взялась за это хлопотное дело.

Прошлое лето памятно всем. День без дождя считался удачей. Заглянул как-то я к Антоновым — завешана изба мокрой одеждой Анны Евсеевны, у печки на шестке сушатся сапоги.

— Что, опять ночью пришлось бегать на птичник?

— Да ведь слышали, небось, какой дождь прошел...

С вечера небо было чистым. Только небольшие легкие облака с размытыми краями плыли с севера. И вдруг среди ночи грянул гром. Как по тревоге, Анна Евсеевна вскочила с постели, впопыхах накинула на плечи телогрейку и выскочила на улицу. Потoki воды обрушились на нее.

Птичник недалеко — каких-нибудь километра полтора, но по раскисшей дороге добраться туда нелегко. А тут еще в темноте оступилась в канаву и зачерпнула сапогом холодную воду.

Маленькие утята были придавлены тугими струями к вязкой почве. С корзиной в руках Анна Евсеевна перебежала от одной группы к другой, внимательно вглядываясь сквозь пелену дождя в каждого утенка. Вот у этого безжизненно повисла голова — скорее его в корзину да в барак, отогреться.

На помощь подруге подошла и Анна Матвеевна Козлова.

Трудолюбие и настойчивость птичниц принесли замечательные плоды. С летнего птичника, который они обслуживали, совхоз дополнительно сдал государству несколько десятков тонн мяса.

В. ДЕМЕНКОВ, учитель.

Совхоз имени Горького,
Орехово-Зуевское производственное управление,
Московская область.

Клавдия Яковлева работает телятницей в совхозе «Белоозерский». Как только в совхозе был создан кружок механизаторского всеобуча, она сразу же записалась в него. Всю зиму Клавдия изучала трактор. Сейчас уже осваивает его на практике.

Клавдия мечтает стать механизатором, чтобы заменить на время службы в армии своего мужа Алексея, тракториста. В письмах Алексею она пишет о своих успехах, о том, что в совхозе за прошедшую зиму подружались с техникой около двухсот человек — рабочих, специалистов, руководителей хозяйства.

Ужурское производственное управление, Красноярский край.

На снимке: Клавдия Яковлева и Галина Саражакова учатся управлять трактором «Беларусь».

Фото В. ВИГОВСКОГО.

МОЯ СЕСТРА

ДАНИЭЛЬ КАЗАНОВА

Эмма ШУРИ-ПЕРИНИ

Весной, когда буйно зацветает сирень, особенно хочется вспомнить Даниэль Казанова — «путеводную звезду борцов».

Детство Винчензеллы Перини, настоящее имя Даниэль Казанова, прошло на острове Корсика. И оно было таким же, как почти у всех девочек: она играла в «классы» и в мяч, прыгала через веревочку и занималась своими куклами. Но даже ребенком она проявляла необычайное упорство. А особенно выделяло ее среди других детей острое чувство справедливости, заставлявшее часто вступаться за обиженных. В корсиканской семье, где родительская власть неоспорима, маленькая Винчензелла находила в себе смелость твердо отстаивать свое мнение.

Наши родители были учителями. Они сумели с детства привить нам честность, прямолинейность, принципиальность. Наш отец умер давно, четверть века назад. Порой я встречаю его учеников, и они вспоминают о нем со слезами благодарности: «О, господин Перини! Вот это был настоящий учитель!» А когда истерзанная Даниэль писала из плена: «Мы никогда не склоним головы!» — я узнавала непреклонный характер нашей матери.

Еще маленькой девочкой я восхищалась своей старшей сестрой Винчензеллой. Я любила ее глаза и улыбку, ее силу и доброту. Ее бесстрашие иногда пугало меня. Когда она уплывала одна далеко в открытое море и ее голова в сверкающих под солнцем волнах была едва заметна, я стояла на берегу, дрожа от волнения.

В 1935 году я приехала учиться в Париж и стала жить у Винчензеллы в Латинском квартале. Она была для меня по-прежнему любимой сестрой. Но для других она была уже Даниэль Казанова. Незадолго до моего приезда произошли два величайших события в ее жизни. Даниэль, которая много лет была членом Союза коммунистической молодежи Франции, стала его руководителем. В составе французской делегации Даниэль ездила в Москву на Международный конгресс коммунистической молодежи, где ее избрали членом Исполкома КИМ.

Вторым событием, которое даже в страшные времена своего пребывания в гитлеровском лагере Освенцим Даниэль называла «самым большим счастьем своей жизни», было вступление ее в коммунистическую партию.

Моя сестра была опытным зубным врачом и милой женщиной, любящей свой дом и своих родителей, имеющей много друзей и делающей всем добро. Но только в партии она превратилась в Даниэль, в женщину — борца за счастье всех людей, а не только своих близких.

Даниэль была убеждена, что лишь коммунизм принесет счастье всем. Именно эта убежденность давала ей силы бороться за правое дело.

Я помню митинг во Дворце Мютюалите. Я никогда не слышала, как сестра выступала, и немного нервничала. Но в женщине, говорившей с трибуны, я не узнавала свою Винчензеллу. И сейчас меня охватывает волнение при воспоминании о том, как пламенно провозгласила она лозунг республиканских борцов Испании: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Тысячи молодых девушек откликнулись на призыв Даниэль. И уже в декабре 1936 года в Париже собрался I съезд созданного ею Союза девушек Франции.

И когда пробил час борьбы против гитлеровской оккупации, Даниэль и многие ее «девушки» смело вступили в вооруженную борьбу против захватчиков.

С самого начала оккупации нашей страны, когда начали арестовывать коммунистов, Даниэль стала постигать трудную и опасную жизнь подпольщика. До самого ареста — 11 февраля 1942 года — она продолжала бороть-

ся с оккупантами. Она организовывала демонстрации, писала листовки да к тому же взяла на себя и руководство женским движением.

В семейных документах я нашла записку, которую Даниэль тайком послала нам из тюрьмы Роменвилль 10 января 1943 года. На маленьком клочке бумаги крошечными буквами она писала о своем долге и ответственности перед партией и народом, о том доверии и любви, которые питали к ней ее товарищи по заключению.

«Я никогда не забуду, как радостно отметили товарищи мой день рождения в то время, когда в сердце у всех была страшная мука, потому что несколько дней назад нам сообщили о казни 39 борцов за наше общее дело. Их расстреляли как заложников».

Когда Даниэль умерла, ей было лишь 34 года. Сколько с ней погибло несбывшихся надежд и мечтаний! И все же, когда я думаю о ней, я не вспоминаю о кошмарах Освенцима. Я думаю об улыбающихся детях, о ветках сирени, о маленьких девочках в весенних платьицах, о золотых лучах солнца в бескрайнем небе. Она сама писала нас: «Не вспоминайте обо мне с болью в сердце...»

Она гордилась своей жизнью. Даже в самые трудные минуты она не опускала головы, поддерживая своей неуязвимой верой других заключенных.

«Я счастлива и испытываю большую радость от сознания, что я не покорилась, — писала она из тюрьмы. — Они могут убить нас, но, пока мы живы, им никогда не удастся потушить тот огонь, что горит в наших сердцах. Это священный огонь борьбы».

И в Освенциме, лагере смерти, она боролась до своего последнего вздоха. И там, среди страданий, с новой силой проявился ее характер. «С каждой из нас она умела найти общий язык, — вспоминает чешский врач Свалбова. — Мне казалось, что она сама пережила все судьбы. Всего несколькими словами ей всегда удавалось ободрить и словно обнять вас. Вам казалось, что это лицо давно знакомо вам, а эти руки уже однажды спасли вас».

Без устали лечила она больных. Но смерть косила вокруг, унося одну за другой тех, кого она ласково называла своими «девочками» и кому помогала учиться мужеству и чувству долга.

«Мое сердце, как кладбище», — писала Даниэль. Наконец наступила и ее очередь...

9 мая 1943 года Даниэль Казанова умерла в нацистском лагере Освенцим. Как последнюю дань благодарности ей принесли охапки сирени, которые сумели добыть для нее в этом аду заключенные.

Прошло уже 20 лет! Но она по-прежнему жива. Достаточно посмотреть на ее портрет, чтобы ко мне вернулось мужество. Я верю, что грохот сапог возрождающегося вермахта, который слышен из наших восточных военных лагерей, не повернет назад колесо истории. «Наша прекрасная Франция будет свободной, и наши идеалы восторжествуют», — предсказывала Даниэль. И ее имя будет всегда жить как символ борьбы за счастье!

Перевела с французского
И. ЖУКОВА.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РОЛИ

Когда встречаешься со зрителями, приходится отвечать на самые разные вопросы, но еще не было случая, чтобы не спросили: почему вы выбрали именно этот фильм? Именно эту роль?

Вопросы закономерные, ибо зрители не хуже актеров понимают, что актеры не имеют права сниматься в чем попало.

Последней моей работой в кино была роль Ксении в фильме «Грешница». Фильм был снят режиссером Ф. Филипповым, оператором и сорежиссером Г. Егиазаровым по сценарию Н. Евдокимова.

Одним фильм нравится, другим нет. Я получаю письма самого различного характера. Один автор, пожелавший, правда, остаться неизвестным, бросил упрек: мол, что заставило меня сниматься в фильме, после которого люди пойдут в секту, — жажда заработать? Так или примерно так. Но, к счастью, таким образом понял фильм только один он.

Что же действительно заставило меня сниматься в фильме «Грешница»?

Мне посчастливилось работать с великолепным литературным материалом. Чехов и Достоевский. Самые дорогие мне авторы, редчайшие мастера по раскрытию психологии человека, по лепке образов. Чеховская «Дама с собачкой» для меня не просто героиня, созданная талантом художника. Она для меня живой человек. Я понимаю ее мятущуюся душу, мне дорог ее талант любить бесконечно, высоко, красиво, мне близка ее беспомощность, обаятельная сила женской слабости, сила, заставившая Гурова, полюбив, стать судьей, пусть пассивным, того общества, которое ранее казалось ему во всех отношениях приемлемым.

Мне дорога Кроткая. Умная, славная, добрая, она хотела одного — быть нужной не себе одной. И оказалась не нужной никому. Ее уход из жизни я воспринимаю как страшную несправедливость. Перечитывая «Кроткую» Ф. Достоевского, чувствую, комок подступает к горлу, как если бы погибал рядом очень близкий тебе человек.

И вот впервые современная роль. Мне хотелось сыграть человека прежде всего. Не идею, не тему, а то, что шире идеи и темы, — образ. А образ показался мне интересным. И вот почему.

В деревне живет и работает на колхозной ферме девушка, почти девочка. Работает она хорошо, она добра и неглупа, ее любят подруги, и... она верит в бога. На встрече со студентами Университета дружбы меня спросили: как можно, чтобы рядом с космическими кораблями уживались такие страшные предрассудки? Действительно, в это трудно поверить, но, к сожалению, бывает и такое. Мы хотели, чтобы фильм помог тому, чтобы этого не было. Так вот, героиня моя верит в бога. Ксения, так зовут ее, выросла в семье сектантов. С детства она привыкла к мысли, что всей своей жизнью она обязана некоей всемогущей силе. Самое трудное в ней, как в человеке, — это то, что она верит искренне. Любовь, природа, красота, разум человеческий, создавший все земные сокровища, — все это для нее БОГ. Я сказала, что это ее убеждение — самое трудное в ее характере, потому что именно оно приводит к трагедии, ибо жизнь, которую она так любит, и бог — для нее одно и то же.

Казалось бы, не произошло ничего уж очень страшного: ее не истязали физически, не принесли в жертву. Ее просто выдали замуж за нелюбимого человека. Здесь конфликт? Нет. Конфликт глубже, конфликт в крушении идеалов. До последней минуты Ксения верит, что бог не допустит насилия над ее душой, что он сотворит чудо, не позволит растоптать любовь. А он позволил. Он не вмешался, ему не было никакого дела до маленькой Ксении с ее возвышенной и страстной верой в него. Ксения не говорит: «Бог, тебя нет!» Ее веру нелегко сломать. Она произносит: «Так зачем же я в тебя верила, господи? Зачем ты дал мне любовь, чтоб посмеяться надо мной! Нет в тебе милосердия. Жестокый ты, злой!» Протестует страстная, любящая душа этой девочки. Протестует — и теряет вкус и волю к жизни. Миром, который она так любила, в который так верила, правит страшная, несправедливая сила.

По моему замыслу образа Ксения должна погибнуть потому, что не в силах справиться с той душевной травмой, которую она получила. Так мне хотелось сыграть эту роль. А что получилось, судите сами. Ведь общеизвестно, что главное не то, что задумывалось, а что сыгралось... Объяснять, что ты хотел показать, — самое последнее дело. И если я это делаю, то преследую вот какую цель: такие Ксении есть, и им необходимо помочь. Мы своим фильмом хотели сказать: надо относиться к окружающим хотя бы с тысячной долей того внимания, с каким мы относимся к самим себе.

Так от образа переходить неизбежно к идее. И это, наверно, правильнее, чем наоборот. Вот почему мне захотелось сыграть роль Ксении.

Многие недовольны финалом фильма, говорят, хотелось бы видеть Ксению замужем за Алексеем. Опять счастливый конец! А мне кажется, пусть искусство не боится показать правду, какой бы трагической она ни была, если эта правда зовет к красоте и счастью в жизни.

Ия САВВИНА

Фото С. ВЕТЧИНИНА.

ПРОТИВ НЕДОСТАТКОВ — СООБЩА!

В августе прошлого года приехала я на совещание передовых доярок. Собралось нас человек тридцать. О многом говорили мы тогда, но больше всего волновал доярок вопрос об обслуживании больших групп коров.

— Считается, что у нас на ферме механизация, — выступила одна доярка. — А если честно сказать, аппараты больше для видимости. Никто нас по-настоящему не обучал. Коровы брыкаются, сама нервничаешь. Руками-то хоть тяжелее, да надежнее...

— Да, при такой «механизации» о больших группах нечего и мечтать, — подхватила другая.

Слушала я их и думала: а не от нас ли самих зависит положение на фермах? Хоть и не очень удобно хвалить себя, но ведь у нас в колхозе совсем по-другому идет дело. Механизация налажена. Это позволило мне и моей подруге Галине Иконос взяться за обслуживание сначала 100 коров, а потом и 150. Теперь же мы с ней выдаиваем по 110 коров каждая.

Нам помогают четыре скотника. Работает каждая из нас семью доильными аппаратами.

— Вам, видать, с руководством повезло. А нашему председателю все одно: пятнадцать коров будет за дояркой либо пятьдесят, — возразили мне.

— Значит, нужно его расшевелить. А если сидеть сложа руки, ничего не добьешься...

На том совещании и возникла мысль о создании совета доярок для обмена опытом и общественного контроля над фермами. Решили избрать в этот совет по доярке от каждого колхоза или совхоза. Тут уж про любой беспорядок быстро станет известно всем. Да и передовой опыт тоже не залежится.

В очередной День животновода, когда съехались в район лучшие доярки, скотники, зоотехники, заведующие фермами, был создан наш совет.

Как мы и решили, он повел наступление в двух направлениях.

Во-первых, он взялся помочь всем дояркам раскусить до мелочей «секреты» механической дойки, наглядно убедить в выгоде ухода за большими группами. Прикинули, что лучше всего это сделать через школы передового опыта. В некоторых колхозах они есть, в других их придется создавать.

Образцом такой школы послужила наша. У нас хороший Дом животновода при ферме построен. В нем и кабинет для занятий, и столовая, и комната отдыха. Там мы проводим занятия доярок.

Стали к нам по приглашению совета делегации из других артелей приезжать. Поживут доярки дня два-три, все своими руками окупают, на все вопросы ответы получают.

Мы с Галиной Иконос проводим практические занятия на ферме. Конечно, 50 или тем более 100 коров — поначалу для доярки цифра удивительная, по себе знаю. Потому мы приучаем обслуживать такое большое стадо постепенно.

Такие же школы стали работать и в других колхозах, где было чему поучиться.

Во-вторых, решили мы начать проверку самых отстающих колхозов. Побывать там, докопаться до причин неудач, кого надо — посрамить при народе, кого надо — подбодрить.

Просмотрели последние сводки. Ну и ну! В колхозе имени Щорса за неделю и без того низкий надой молока на каждую фуражную корову еще на два литра упал.

По заданию совета поехали в колхоз Щорса самые боевые доярки из разных артелей: Ганна Лозовенко, Катерина Калиновская, Мария Манукян, зоотехник Мария Слободяник.

Председателя они застали в правлении. Принял он гостей не очень ласково:

— Не до вас, спешу! Коль за недостатками приехали, так ищите их сами!

Многие из колхозников встретили представителей совета тоже с холодком:

— Не первые вы у нас, а толку? Вертайтесь, девчата, до дому. Спасибо за заботу, только время попусту незачем тратить!

В словах этих пряталась обида людей за свой колхоз. Сердцем поняли ее наши доярки. Засучили они, как говорится, рукава и взялись за дело.

Прежде всего с кормовой базой ознакомились. Подсчитали в присутствии зоотехника артели Ганны Бандуры, что при имеющихся кормах удой на каждую корову должен быть вдвое больше.

Обратили внимание на то, что кормят коров в самый час доения. С утра до полудня и с полудня до вечера животные голодными стоят. Рацион составлен шиворот-навыворот: сперва коровам бураки дадут, потом кукурузный силос.

Плохо используются и электродоильные аппараты. Доят коров как попало: одну аппаратом, пять — руками.

Одна из приехавших, Ганна Лозовенко, спросила доярок:

— Почему аппараты простаивают?

— Да не отдают наши коровы молоко при механической дойке, — пожаловалась Евдокия Латанская.

— Может, порода у вас какая особая. Дай-ка я попробую! — усмехнулась Ганна.

Два дня с рассвета до темноты работала она на ферме. Не сидела сложа руки и другие гости.

Они сумели доказать на деле, что и при механической дойке коровы прекрасно отдают молоко. Помогли навести порядок в использовании кормов.

Перед отъездом попросили созвать собрание, подвести, что называется, итоги. Нерадивого председателя не пожалели. Он, к примеру, до того свое «внимание» к ферме проявил, что в Доме животновода бухгалтеря поселил.

Через несколько дней газета «Шевченковский край» по нашему сигналу статью напечатала, в которой все замеченные нами беспорядки на целое управление «прославила», чтобы кое-кто и в других артелях затылок почесал, призадумался. И позднее с радостью следили мы за тем, как кривая надоев молока у щорсовцев вверх пошла.

Уважение и доверие колхозников к совету доярок день ото дня росло. Я только одну поездку — в артель Щорса описала, а их было немало. Стали мы письма получать с просьбами и предложениями. Это значит, что наш совет доярки признали.

Теперь в нашем управлении на уход за большими группами коров перешло около 700 доярок. Для других работ высвободилось почти 900 человек — это же взрослое население трех колхозов! Мы подсчитали, что, если внедрить на всех фермах механическую дойку, за год это даст экономию в 340 тысяч трудодней. Есть за что воевать!

И впереди у нас дел непочатый край.

Жалуются, к примеру, доярка на то, что колхоз ее дрочками не обеспечил или сынишке места в яслях не хватило. Ни одного такого дела совет без внимания не оставляет.

Совет наш молод, мы еще только нащупываем верные пути. Но одно нам ясно: мы, простые доярки, большая сила и можем сделать многое в борьбе за изобилие.

Е. СЕМЕНЮК,

доярка колхоза «Радянська Украина»

Звенигородское производственное управление,
Черкасская область.

Анна Ильинична Кузеванова и заведующая клубом Валентина Чернова готовятся к спектаклю.

слышав, что я собираюсь в село Городище, знакомые ахнули:

— В такую глушь? Отложите до лета.

Но хотелось попасть туда именно зимой, в пору суровых уральских метелей и занесенных дорог.

Я отправилась на аэродром. И очень скоро раскаялась в своей неразумной решимости. Наш маленький «кукурузник» в воздухе попросту отплясывал «гопака». А мы, пассажиры, расплачивались за его резвость своими лбами, подбородками и носами.

Когда я добралась до районного центра, мне сообщили весьма неутешительные сведения:

— Дорог в Городище нет. Может, удастся с попутным трактором...

За день, проведенный в райцентре, я много узнала о городищенской свиноферме и ее людях. Ферме два года назад присвоено звание коммунистической. Одна из свинок в прошлом году получила по 24 головы приплода на основную матку. Работает на ферме и депутат Верховного Совета СССР...

Я записывала в блокнот.

— Как, говорите, фамилия свинарки?

— Кузеванова.

— А депутата Верховного Совета?

— Кузеванова.

— Сестры, что ли?

— Нет. Одна — Анна Ильинична, другая — Евдокия Петровна. Да вы, наверное, не бывали раньше в уральских селах. У нас так: в этом селе сплошь Кузевановы, в том — Бердюгины или Копыркины... Целые села однофамильцев.

Городище оказалось огромным селом. Трактор долго вез нас от одного конца улицы до другого. Наконец он остановился у ворот добротного дома с ярко освещенными окнами.

— Кажется, у Анны Ильиничны го-

сти, — сказал тракторист, кивнув на силуэты, мелькавшие в окнах. — Наверное, артисты. Часто тут собираются.

В просторной комнате, где возвышалась большая печь, за столом сидела пожилая женщина с какой-то материей в руках. Она шила.

— Встречай, мамаша! Аж с самой Москвы гости! — представили меня попутчики и, пока «мамаша» ахала и всплескивала руками: «Да как же в такую непогоду, нешто можно!», — незаметно удалились.

За ужином хозяйка без конца спрашивала:

— С людьми, говоришь, приехала познакомиться? Что ж, хорошо. Народ у нас простой, работающий... Ешь, ешь как следует...

— Спасибо, уже сыта...

— Анну, может, позвать? — кивнула «мамаша» на соседнюю комнату, откуда слышался ровный голос (очевидно, читали книгу). — Занимаются none.

— Нет, нет, зачем мешать.

По словам, доносившимся из-за двери, я узнала пьесу Островского «Без вины виноватые». Хозяйка быстро убрала со стола и снова села шить. Я разглядела в ее руках старинный бурнус из лилового плюша.

— Вы к спектаклю готовитесь? — спросила я «мамашу».

— Смотр объявили по району. Наши хотят опять первое место захватить. Да у тебя глаза уж слипаются, давай-ка спать.

Утром меня разбудило тарахтение мотоцикла под окном. Он с явным усилием одолевал заснеженную дорогу. Только удалились звуки одного, как послышались натужные хрипы другого. Видимо, колхозники выезжали на фермы.

Когда стихли мотоциклы, до меня донесся шепот из другой комнаты.

— Можно и даже нужно! — взволнованно убеждал мужчину. — Подумай сама: почему мы должны считать не-

скромными наши потребности? Да, люди хотят иметь приемники, стиральные машины, электрические утюги. А их завозят всего по две-три штуки. Где для остальных брать? Ну, еще можно мириться, что за мотоциклами в Москву отправляются. А уж стиральными машинами должны обеспечить на месте!

— Но удобно ли такое на совещании передовиков сельского хозяйства говорить? — возразила женщина.

Тарахтение очередного мотоцикла заглушило слова мужчины.

— ...Вспомни, как паровое отопление на фермах пробивали. То труб нет, то привезти не на чем, то сварочного аппарата не достать... Где ты об этом только ни говорила: и в обкоме партии и на сессии депутатов... А если бы скромничала, и сейчас бы еще ничего этого не было.

— То для фермы, а то для себя, — усомнилась женщина. — Ладно, иди уж...

Через минуту хлопнула дверь, и в доме воцарилась тишина. Так я и не успела познакомиться с хозяйкой.

Знакомство наше состоялось на ферме.

...Меня едва не сбила с ног юная свинарка, бежавшая в конец двора. За паузой у нее визжал поросенок. Девушка остановилась около другой свинар-

Сцена из спектакля «Новоселье» З. Андюгина. На снимке (слева направо): тракторист Николай Кузеванов в роли Петра, колхозница Римма Меньшикова в роли Насти и Анна Ильинична Кузеванова в роли пенсионерки.

ки и что-то сказала ей. Та заглянула за пазуху, просунула туда руку...

— Грыжа, — донеслось до меня. — Срочно на операцию!

Когда девушка убежала, я подошла к ее наставнице.

— Ну, как вам спалось? — спросила она ласково.

— Так это вы Анна Ильинична? — смутилась я. — Проспала все на свете...

Анна Ильинична повела меня смотреть новую кормокухню. Там мы заста-

В «ГЛУШИ»

ли заведующего фермой Матвея Михайловича Лаптева, хлопотливого человека лет около пятидесяти.

— Матвей Михайлович, так как же с опоросными избушками? — спросила Анна Ильинична.

Пока она разговаривала, я все приглядывалась к ней. Ничем решительно не отличалась Анна Ильинична от других свинок. Такой же, как у всех, рабочий халат. Такая же телогрейка и такой же платочек, скромный, «немаркий». Разве только пылкий взгляд серых глаз да мягкая улыбка, выдающая щедрость сердца, привлекали внимание к ее лицу.

«Экскурсия» наша была прервана: Анну Ильиничну вызвали в правление.

Я решила поподробнее расспросить о ней заведующего.

— Что ж, об Анне Ильиничне можно долго говорить, — сдвигая на затылок шапку, задумался было Лаптев, но тут же стал загибать пальцы. — Детские ясли — ее хлопоты, электричество во всем селе — не обошлось без нее, комбинат бытового обслуживания — она удумала,

и самодеятельность и библиотека — во все вникает, на все сердца хватает. А о фермах уж и говорить нечего. Паровое отопление с ее помощью провели. Ну, а какой она человек по душе своей, сама узнаешь, небось.

Долго бродила я по селу. Постояла перед красочным объявлением: «Комбинат бытового обслуживания принимает в ремонт одежду, обувь, швейные машины, электроприборы». Потом заглянула в клуб. У крыльца юноши и девушки в лыжных костюмах подгоняли крепления, придирчиво осматривали ботинки.

— В воскресенье районные соревнования, — объяснила мне заведующая клубом Валя Чернова. — Первое место надеюсь опять оставить за собой!

Домой явилась, когда уже зажигались в окнах огни.

Как и вчера, в доме собралось много народу. Здесь был один из моих вчерашних спутников — председатель сельского Совета Иван Георгиевич Зорянов, Валя Чернова, агроном Николай Павлович Вахранев. Все они жарко спорили о пьесе.

— Нет. На такого Шмагу я не согласен, — упрямылся невысокий худощавый человек.

По голосу я узнала мужа Анны Ильиничны, который говорил утром о стиральных машинах.

Я представилась ему Анатолий Федорович сразу же спросил меня:

— Ну разве Шмага — тунеядец?

— Да и-нет... — растерялась я, захваченная врасплох. — Просто условия жизни были такими.

— Ну, посмотрим, что Анна скажет, — настаивал на своем Вахранев.

Вскоре пришла Анна Ильинична.

— Ну, как успехи, «костюмер»? — обняла она за плечи мать.

— Вот, — раскинула та платье.

— Что же, неплохо, — одобрила Анна Ильинична и засмеялась. — О твоём таланте придется помалкивать, а то в Большой театр заберут.

— Вот скажи, — приступил к ней Вахранев, — Шмага — тунеядец?

— Шмага потерял человеческий облик потому, что в его жизни нет цели, нет смысла, — начала свиная с такой убежденностью, словно она специально готовилась к ответу. — Так и нужно смотреть на него.

— Завтра вставать чуть свет, — напомнил кто-то.

Люди понемногу стали расходиться. А в соседней комнате долго еще горел свет, просачиваясь в щель под дверь. Мои хозяева все еще продолжали разговор.

— Помнишь, мы с тобой смотрели «Без вины виноватые» в Малом театре? — говорила Анна Ильинична. — С их Кручинной я вполне согласна. Это не только мать, потерявшая сына. Это актриса...

— Вот, вот! И зрители должны это прочувствовать...

На печке повернулась и громко вздохнула «мэмаша». Разговор за дверь перешел на шепот. А я, засыпая, думала: «До чего же интересные люди живут в этом селе! А говорили — «глушь».

Н. МЕДВЕДЕВА

Фото В. ШКОЛЬНОГО.

Колхоз «Путь к коммунизму», Ирбитское производственное управление, Свердловская область.

Читка новой пьесы — всегда волнующее событие для участников театрального коллектива. С интересом прислушивается каждый к словам будущего своего героя, «вживается» в его характер.

ГАЛЬКА ГРИЦАЙ

В выходной к Геннадию Острецову пришла мать-Марфа Захаровна в этом доме была только раз: в день свадьбы сына. Старая женщина стояла в кухне и долго молилась в угол, где холодно поблескивала белая раковина. В черном длинном платье, даже не кивнув гостю, выплыла Клеопатра Павловна — мать Фаины. Захаровна боязливо взглянула на молчаливую сваху и опять поспешно закрестилась в угол. Из другой комнаты послышалось торопливое шарканье шлепанцев. Скрипнула дверь — показался в старой пижаме Геннадий.

Геннадий редко бывал у матери. Фаина ворчала, когда он намеревался идти в «деревенщину», как жена называла край станицы, где он жил раньше. Приход матери его и обрадовал и смутил. Он глядел на ее старенький серый пиджак. Карман у пиджака отпоролся и на скорую руку был приколот булавкой.

Марфа Захаровна старалась казаться веселой. На вопросы сына отвечала охотно, быстро, искоса поглядывая на молчаливую Клеопатру, неподвижно стоявшую в дверях.

— Ох, да хорошо я живу! — торопливо говорила Захаровна, поминутно поправляя под платком свои седые волосы.

Клеопатра молча налила гостю остывшего чая. На столе в цветастой тарелке лежало штук пять пряников, но сватья вынула из шкафа кусок серого хлеба, отрезала несколько тоненьких ломтиков. Захаровна пила мутный холодный чай, передавала приветы Геннадию от соседей. Фаина не выходила.

— Ох, пора домой ехать! — допив чай, заторопилась мать.

Ни к пряникам, ни к хлебу она не притронулась.

— Мама, возьмите пряники с собой, — неуверенно произнес Геннадий.

Но теща бросила на него такой негодующий взгляд, что Захаровна даже руками замахала.

— Да не нужно, не нуж-

но! Ну, приезжайте до нас, свашенька. К нам теперь легко добраться. Сядете на автобус и до клуба. Всего и делов-то пятак. О-х-хо-хо!.. — вздохнула мать и вышла на улицу.

Геннадий проводил ее до калитки. В дом возвращаться ему не хотелось. Он прошел в самый край огорода, опустился на высохшую траву.

Думы, думы... Тяжкие, невеселые... Сразу вдрут почему-то вспомнилась

родная сторона — улица Широкая, где степным ветром пролетело детство, Галька Грицай — озорная девчонка, что жила в старой, покосившейся хате на самом краю станицы. С Галькой они вместе ходили в школу. Позже гуляли вместе в степи. Выросла Галька стройной, веселой, словно вишенка по весне. Только достатка никакого: одно-разъединственное ситцевое платье с короткими рукавами да радостная улыбка в карих искристых глазах. Этого Геннадию тогда казалось мало. Сам в нужде вырос, тоже, как у Гальки, отец с войны не вернулся. В доме с матерью еле концы с концами сводили.

Работал в то время Геннадий секретарем сельсовета. В одной из районных контор встретил Фаину — пышнотелую девицу, которая недавно приехала с матерью из города. В центре станицы купили они большой дом. Фаине тоже приглянулся «хорошенький колхозник», как она называла Геннадия. А когда он впервые зашел к ним в квартиру, увидел мягкую мебель, мраморную раковину под умывальником, а в зале целый «комбайн», в котором был и телевизор, и приемник, и проигрыватель, Фаина по блеску глаз парня почувствовала: ему хотелось бы подольше остаться здесь. И она оставила

Геннадия в этом доме навсегда...

Мать Фаины, Клеопатра Павловна, благосклонно отнеслась к выбору дочери: сразу видно, во всем будет послушный муж. Своим супругом, теперь уже покойным, она также была очень довольна: работал он всю жизнь в торговле и добра оставил вдоволь.

Галя после женитьбы Геннадия завербовалась на стройку. Вернулась она в станицу через год, потому что заболела мать. В хате у них в то время квартировал приезжий, механик Кирилл Цигляров. Геннадий встречал его: на вид под тридцать, взгляд строгий, одет в замасленный ватник. С ним и осталась Галя после смерти матери.

«Как они сейчас живут?..— думал Геннадий.— Звеньевая, говорят, сейчас Галя».

Над огородом загремел властный голос тещи:

— Геннадий, иди свиньям пойло замешай! Где ты?

Геннадий не отозвался. Люди рассказывали, у Кирилла с Галей сынишка недавно родился. А у Фаины никого. Толстая стала, неповоротливая, как свинья в закутке.

— Геннадий! Вот нахлебник проклятый! — кричала теща. — И куры ведь не кормлены!..

А Марфа Захаровна сидела в ту пору у окна автобуса сторбленная, молчаливая и... голодная. В уголке носового плагга у нее был завернут лотерейный билет. Перед тем, как зайти к Геннадию, она побывала в сберкассе, думала, может, что-нибудь выиграет и купит гостинец сватам. Да номер не сошелся... Перед глазами у нее все еще столбом стояла в черном платье теща Геннадия и сам он, суевый, виноватый.

Автобус, накренившись, сделал большой круг и остановился. Захаровна глянула в окно — ни клуба, возле которого она всегда выходила, ни одного знакомого дома. Да и в автобусе она одна.

Захаровна, засуетившись, вылезла из автобуса. После езды в машине у нее кружилась голова, она растерянно оглядывалась, соображая, в какой стороне ее дом да сколько остановок она проехала.

— Марфа Захаровна! —

вдруг послышался чей-то знакомый голос.

На углу улицы у большого нового дома под драпью стояла женщина в светлом клетчатом платье.

— Галка! Да как же я тебя не угадала! Вот, видно, богатая будешь.

— А вы как сюда попали? — улыбаясь, спросила Галя.

— У сына была, да замечталась и проехала свой клуб. Ф-фу ты, голова закружилась!.. Автобус как округнулся...

— Заходите к нам. Отдохнете, а потом вернетесь. Недалеко здесь.

— И то верно, — согласилась Марфа.

В хате было пусто-

то — стол да табуретки. Дверь в другую комнату завешена стареньким одеялом.

— Спит наш Ванятка, — пояснила Галя. — А вы садитесь, отдохайте, обедайте сейчас будем.

— Ты из-за меня не хлопочи, — предупредила Захаровна. — Я только что от сватов, сытехонька.

— Да немножечко.

— Ну, разве трошки...

Молодая хозяйка проворно распахнула печь, и на Захаровну ударил густой дух борща с мясом. Галя налила в тарелку дымящегося борща. Положила большой кусок свинины.

— Извините, мясо-то я

не порезала. Ну, вам самый маленький кусочек, сколько уж съедите.

У Захаровны даже закружилась голова.

— Ох, да сытехонька я, — говорила она, торопливо подвигая к себе тарелку.

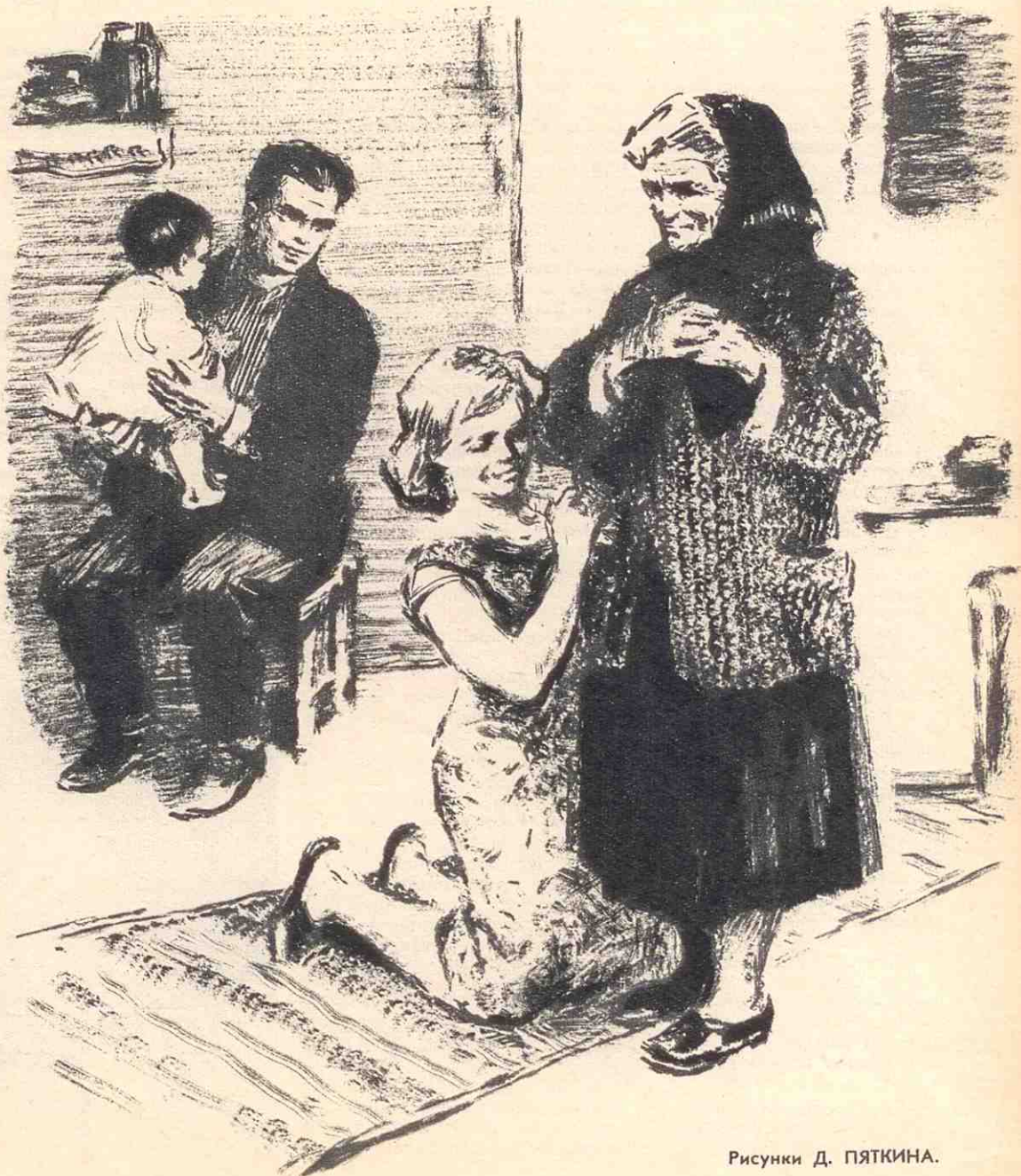
Галя достала из стола высокую белую булку, широким ножом нарезала большие ломти.

— Да куда ты столько! Засохнет.

— Кушайте, кушайте!

— Ох, батюшки! Раскормила ты меня совсем. И борщ-то вкусный, не оторвешься. И хлеб у тебя такой запашистый.

Галя вынула из печи вареники, кашу с маслом.

Рисунки Д. ПЯТКИНА.

— Да что ты? — ослабевшим голосом упрасивала Захаровна.

— Вот я еще соленых помидоров и огурцов принесу. Первый раз сама посолила.

И она принесла в глиняной чашке темно-красные от соли помидоры и пахнущие вишневым листом огурцы.

— Поела бы еще, — созналась Захаровна, — но уж некуда.

Пришел Кирилл.

— Это мама Геннадия, — пояснила ему Галя. — Помнишь, тебе рассказывала.

— А-а... Знаю, — отозвался Кирилл и приветливо улыбнулся Захаровне.

— Садись хоть ты, Кируша, ешь, — попросила Галя, глядя на стол.

— Я же недавно обедал, — отказывался Кирилл. — К ней хоть не заходи: первое дело — ешь. Ну ладно, все равно от тебя не отцепишься. Давай хоть чаю.

Марфа Захаровна поглядела на Кирилла и почему-то сразу осмелела: вроде бы сродственный человек.

— А вы, наверно, нездешний, — заметила она. — По разговору слышать.

— Из кацапов, мамаша, — усмехнулся Кирилл. Марфа Захаровна весело рассмеялась.

— Оно и видать: не взвару просишь, а чаю.

— Водохлеб костромской, — подтвердила Галя, подавая мужу стакан.

— Ладно, согласен, — кивнул Кирилл. — А вы, мамаша, слышали такую притчу? Дело, значит, на фронте было. Не успела к передовой однажды походная кухня подъехать. Обстрел, видно, сильный был. Вот киргиз сидит в окопе и вздыхает: «Хлеба нет — беда, мяса нет — полбеда, чая нет — откуда сила будет?»

Захаровна долго смеялась, совсем развеселилась.

— Ну, как сын живет? — спросил Кирилл, подвигая к себе второй стакан чая.

Старая женщина вся как-то сжалась, ответила сдержанно:

— На службе он хорошей... И жалованье хорошее. В доме всякая обстановка.

— А у нас-то ничего нет! — вздохнула Галя, оглядывая голые стены.

— Да все наживете, — успокоила ее Захаровна.

Проснулся Ванюшка. Заспанный, розовый, он сразу оказался на коленях у Захаровны.

— Да родимый ты мой внучек! — подбрасывая малыша на руках, радовалась она. — Ишь, как пирог сдобный! А мамка твоя, видать, никогда справной не будет. Сколько я тебя, Галка, помню, никогда ты шагом не ходила, а все будто какой бегунец. И на степь бегом и со степи, будто какой самолет. — Лицо у Захаровны посерьезнело. Она осторожно ошупала темя у ребенка, глянула ему в глаза, вздохнула с облегчением. — Живучий парень будет, слава богу, живучий!

Невольно вздохнула и Галя, хоть и не верила, конечно, во всякие предсказания.

В хате потемнело. Галя повернула выключатель — в комнате вспыхнул свет. Ванюшка глянул на лампочку и заулыбался.

— Батюшки вы мои! — всполошилась Захаровна. — Вечер уже!.. А у меня куры не кормлены.

— Приходите еще к нам, мамаша, — приглашал ее Кирилл.

— Приходите, — просила Галя. — У нас ведь нет бабушки...

— Теперь приду, — обещала Захаровна. — Дорога вон какая ровная, хоть боком катись.

— Подождите, — остановила ее Галя и, кинувшись к чемодану, вынула кулек. — Конфеток возьмите. Горошек... Я его люблю.

— Да не надо мне!

— Хоть немножечко! Давайте карман.

— Да он у меня худой... — смутилась Захаровна.

— Сейчас я его прихватю. Присядьте еще.

Она схватила иголку с ниткой, чтоб было удобнее шить, встала на колени. А Захаровна посмотрела на Галкины торопливо мелькающие пальцы, на ее светлые волосы и вдруг заплакала.

— Да что вы, мамаша! — кинулся к ней Кирилл.

Галя, стараясь успокоить, молча гладила ее по плечу.

— Да так я... — всхлипывая, торопливо вытирала слезы Захаровна. — В лотерею не выиграла...

КНИГА СТАНОВИТСЯ

Когда Анна Лавришина окончила библиотечный техникум, она попросила направить ее работать в деревню. Друзья отнеслись к этому с неодобрением.

— Неужели в городе дела себе не найдешь?

— В селе я нужнее, — отвечала им девушка.

И вот уже девятый год заведует она библиотекой в колхозе имени XXII съезда КПСС, в селе Ивановцы.

Тяжело пришлось Анне поначалу. Работа библиотеки была запущена, читатель — единицы. Читальный зал пустовал. Но сегодня Анне приятно оглянуться назад. Ведь ее труд не пропал зря: Ивановская библиотека теперь лучшая в районе. Ей присвоено звание Библиотеки отличной работы.

— На собственном опыте, — рассказывает Анна, — убедилась: если любишь свою профессию, в любых условиях можно добиться многого.

По-разному приучала молодая библиотекарша своих односельчан к книге.

Прежде всего сплотила при библиотеке читательский актив. В него вошло двадцать пять человек — учителя, агрономы, врачи. Ввели в библиотеке и такое новшество — свободный доступ к книгам. Частыми стали в Ивановской библиотеке литературные вечера и конференции. Многим колхозникам по душе пришлось и еще одно мероприятие библиотеки: читка вслух художественной литературы, которую стали проводить активисты.

Не забыты библиотекой и агитаторы. Для них ежемесячно подбирается и раскладывается на специально отведенных для этой цели столах литература.

Заботливо планирует библиотека работу и с юными читателями. На утренниках сказок, встречах с интересными людьми всегда бывает много колхозной детворы.

Все это привело к тому, что книга стала необходимой для всех жителей Ивановцев — от мала до велика.

Т. ДЕМЬЯНСКИЙ
Винницкая обл.

ДРУГОМ

Фото А. ШАПИРО.

В красном уголке на молочнотоварной ферме — передвижная библиотека. В свободную минуту можно просмотреть здесь свежие журналы. А понравившуюся книгу — взять домой.

Книг так много, что трудно решить, какая же самая увлекательная.

Интересу к художественной литературе, какой проявляет А. Н. Паненко, может позавидовать любой молодой читатель. Только в минувшем году она прочитала семьдесят книг советских и зарубежных писателей.

ХОДИТ, БРОДИТ В ПОЛЕ ВЕТЕР ШАЛЫЙ...

Музыка Ильи ГОРИНА.
Слова Владимира КОВАЛЕНКО.

*Ходит, бродит в поле ветер шалый,
Ходит, бродит, листьями шумит.
Во поле березонька стояла,
Во поле березонька стоит.*

*В день лихой, в тяжелую годину,
Разрядив горячий автомат,
Руки под березкою раскинув,
Смертью храбрых пал в бою солдат.*

*Было сердце пулею пробито,
Легкий ветер волос шевелил.
Он собою, тот солдат убитый,
Малую березоньку прикрыв.*

*Ходит, бродит в поле ветер шалый,
Ходит, бродит, листьями шумит.
Во поле березонька стояла,
Во поле березонька стоит.*

Широко. Вволнованно

Хо- дит, бро- дит в поле ветер шалый.

хо- дит, бро- дит, ли- стьями шумит. Во по- ле бе- ре- зонька сто- я- ла, во по- ле бе- ре- зонька сто-

ит, во по- ле бе- ре- зонька сто- ит. Во по- ле бе- ре- зонька сто- ит.

Для повторения Для окончания

mf cresc. dim. mf cresc. cresc. rit. e dim. fpp

f rit. e dim. acc. p rit. e dim. fpp

БУДНИ ЖЕНСКИХ СОВЕТОВ

От каждого по способностям — это закон нашей жизни. По способностям — значит отдавать делу всего себя, без остатка. И совсем не обязательно при этом владеть важной профессией. Даже домохозяйка может вносить изо дня в день немалую лепту в приумножение общественного достояния.

Убедительное подтверждение этому — работа колхозных и совхозных женских советов Ульяновского производственного управления.

Их вклад

Сегодня Екатерине Федоровне Мироничевой даже не верится, что она могла жить иначе, чем теперь. А ведь всего два года назад была она только домохозяйкой, погруженной в заботы о муже-комбайнере и о своих четверых ребятишках.

Но дети подрастали и брали на себя одну за другой ее обязанности. Соберется Екатерина Федоровна по воду — а ведра полны. Заспешит корову выгнать в стадо, глядь — во дворе Галюшка уже помахивает хвостиком.

И стали все чаще выдаваться у нее часы, когда можно было, сложив руки, посидеть у калитки, просто так, отдыхая.

Но рукам, знавшим когда-то работу трактористки, пестовавшим большую семью, трудно быть в безделье. Да и характер у Екатерины Федоровны беспокойный, «норовистый», как говорят соседки. Вот и выискивала она себе занятия: то соседку с мужем пойдет примирять, то в поле на воскресник заторопится.

А два года назад, когда в совхозе «Россия» организовали женсовет, Екатерина Федоровна стала его членом. Как-то на одном из заседаний выступил бригадир свиноводов: на фермах совхоза не хватает свинарков. Помогите найти работников!

Быстро работала мысль Екатерины Федоровны: «Может, самой вызвать-ся, пример подать?»

Не ошиблась Екатерина Федоровна: вслед за ней пошла на ферму ее подруга Антонина Киселева. Договоривалась вроде на два месяца, а не уходит уже третий год.

Привела Екатерина Федоровна на ферму и свою дочь Галину, окончившую десятилетку.

— Нам люди с образованием нужны. Будем, дочка, с твоей помощью науку у себя в свинарниках применять.

Так появились в совхозе три новые свинарки. Три женщины нашли свое место в общем строю, почувствовали радость труда на благо людям. Труд, который приносит человеку настоящее удовлетворение.

И в этом заслуга женсовета.

Женсовет «Россия» может похвастаться и таким делом: в страду в совхозе ни одна домохозяйка не сидит дома. Большую помощь в минувшем году оказало это решение совхозу.

В дни, когда пришло время прополки и букетировки всходов сахарной свеклы, члены совета буквально с ног сбились.

Каждая из 11 активисток отвечала за свою «десятидворку» — десять дворов рабочих совхоза. Чуть ли не на зорьке спешили они обойти домохозяйек, поторапливая их на работу. А по вечерам готовили заметки для местного радио: сообщали о достижениях звеньев, о том, кто как потрудился, подшучивали над теми, кто еще отсиживался дома.

Прорывку и букетировку совхоз «Россия» закончил раньше других.

А осенью женсовет мобилизовал на уборку свеклы всех домохозяйек. Даже пенсионерки не остались в стороне.

Директор совхоза Василий Тимофеевич Жуликов, отдавая должное женсовету, говорит:

— Почти четверть урожая сахарной свеклы убрали мы с его помощью.

Строгие контролеры

Странно звучит сейчас название села «Грязнуха». Здесь, в одном из отделений совхоза «Пригородный», аккуратные домики, чистые улицы. Новый белокаменный магазин, новая двухэтажная школа, новый детский сад... О появлении этого детского сада хочется рассказать особо.

В самом центре села несколько лет назад выстроили большой деревянный дом с просторными террасами и множеством окон в каждой комнате. Предназначался он под детский сад.

Однако как-то получилось так, что приспособили его для хранения семян. Может быть, по сию пору стоял бы дом, не слыша веселого ребячьего гомона, но...

Председателем женсовета в Грязнухе выбрали учительницу Анну Владимировну Михайлову — на редкость энергичную и решительную женщину.

Разговаривая с домохозяйками, Анна Владимировна выяснила: многие из них охотно работали бы в совхозе, если б было кому присмотреть за детьми. И вот подняла она этот вопрос на совместном заседании женсовета и рабочего комитета совхоза. Решение было единодушным: очистить, утеплить и оборудовать дом под детский сад. И все-таки, не упорствуй женсовет, не скоро получили бы его дети.

Бригадир не торопился приступать к работам.

— Подумаешь, «объект»! — небрежно отмахивался он от напоминаний женщин.

Тогда женсовет направил своих «послов» в дирекцию. И оттуда поступил строгий приказ — начинать работы без промедлений.

Вот уже полгода работает детский сад совхоза.

Но этим не кончились заботы женсовета о детях. Активистки постоянно контролируют работу сада. Часто организуют жителей на воскресники по его благоустройству.

Совсем недавно женсовет снова вернулся к вопросу о детском саде: не всем нуждающимся хватает мест. Нужно расширить помещение. Директору намекнули: неплохо бы сделать этот подарок ко дню открытия Всемирного конгресса женщин в Москве. Ну, как тут отказать! В июне будет достроен добротный дом в центре села, еще сорок малышей переступят его порог.

...Год назад не все ладилось в работе сельских магазинов. В женсовет поступали сигналы о том, что дефицитные товары ульвывают прямо со склада, что в продмаге обвешивают и обсчитывают покупателей.

Члены торгово-бытовой секции совета Анна Ивановна Кутаева и Римма Владимировна Морозова взяли за дело.

Раз, другой проконтролировали магазин, склад. Когда же комиссия женсовета снова столкнулась с нарушением правил советской торговли, она потребовала немедленного освобождения Ивановой от обязанностей заведующей складом.

В продовольственном магазине уличили продавцов в обвешивании, обнаружили однажды товар, оставленный «для себя» после распродажи. Составили акт для райпотребсоюза, и тот наказал нечестных продавцов. Не без помощи женсовета был снят председатель сельпо, потворствовавший подобным поступкам.

Клуб колхоза «Гигант»

Клуб колхоза «Гигант» занимает большой дом, бывший когда-то мечетью.

Но старики еще совсем недавно обходили стороной «грешное», «оскверненное» место и строго наказывали своим детям и внукам не переступить запретного порога.

В борьбу с пережитками вступил женсовет колхоза во главе с Равией Абдуллиной. Его задачей было всеми силами привлекать население в клуб.

Так у Розы Ахмадиевой, члена женсовета, заведующей новым клубом, кроме обычных забот: о художественной самодеятельности, библиотеке, вечерах отдыха,— появились новые.

В первые же дни Роза заметила: среди посетителей почти нет девушек. И тогда она пошла по домам колхозников. Убеждала: устарел, отжил обычай, считавший, что девушке татарке позорно веселиться на глазах у незнакомых мужчин. А когда наконец начали появляться в клубе девушки, Роза, как умела, взялась обучать их танцам. К ее радости, это пришлось по душе и парням и девушкам.

Но это породило новую волну недовольства.

Раису Джамалдинову мать даже заперла дома, чтобы удержать от «позора». А у девушки замечательный голос, и в хоре она необходима.

— Тетушка Малика,— убеждала Раину мать Роза Ахмадиева,— вы бы зашли к нам на репетицию, послушали, как поет ваша дочь.

Сдалась Малика, решила хоть одним глазком взглянуть, как там отличается ее Раиса.

Они пришли вместе — мать и дочь. Одна усаживалась в зале, сурово нахмурив брови, недоверчиво поглядывая по сторонам. Другая, весело улыбаясь, легко взобралась на сцену. Оттуда ей было хорошо видно, как разгладились морщины, как потеплели глаза матери, как она кивала головой, словно призывая несуществующих зрителей в свидетели своей радости: очень хорошо пела ее Раиса!

А вечером Малика пришла посмотреть на танцы. И они ей тоже понравились.

Потом женщина убеждала соседок: — Ничего плохого молодежь в клубе не делает. Поют, танцуют. Веселее, чем мы в их годы, живут.

Немало сил приложил женсовет, чтобы сделать клуб настоящим очагом культуры на селе. А на одном из заседаний женсовета решили, что клуб должен стать еще и центром пропаганды передового опыта. Задумали первым делом провести вечер доярков. Интересно и с пользой прошел этот вечер.

За ним с не меньшим успехом прошли вечера девушек, хлеборобов. А совсем недавно — посвященный борьбе науки против религии.

Чтоб здоровым был человек

Село Ундыры стоит на живописном берегу Волги; чистый воздух, река, лесистые холмы вокруг.

Но не только природа этого чудесного уголка Поволжья благотворно влияет на здоровье его жителей. О нем крепко заботятся члены женсовета села.

Однажды в сумерки радиоузел колхоза имени Крупской обратился к женщинам с необычным приглашением.

— Уважаемые...— Далее по именам, отчества и фамилиям перечислялись сорок жительниц села.— Женсовет приглашает вас принять участие в занятиях университета здоровья.

В назначенный день все сорок приглашенных явились в участковую больницу на первое занятие.

А позже выяснилось, что желающих посещать университет гораздо больше.

Теперь можно раскрыть небольшую хитрость организаторов университета. Они намеренно включили в списки только активисток, чтобы заинтересовать и остальных. Их хитрость удалась.

Университет в марте отмечал свою первую годовщину. Много сил отдала ему врач участковой больницы Тамара Степановна Свириденко и акушерка Клавдия Николаевна Красильникова. Они научили своих слушательниц оказывать первую помощь больному, распознавать признаки детских заболеваний, следить за своим здоровьем и здоровьем близких.

Здесь штаб

Солнечным воскресным утром прошлого лета к пристани Ульяновска одна за другой подошли машины. В их кузовах женщины — нарядные, веселые. На пристани гремел духовой оркестр, кружились в веселом танце молодые и старые.

Так лучшие женщины-крестьянки района впервые отдыхали вместе. Для них, успешно окончивших весенние полевые работы, был подготовлен большой праздник: катание на катере, обед на живописном берегу Волги, вручение подарков лучшим, концерты.

Этот праздник организовал районный женсовет.

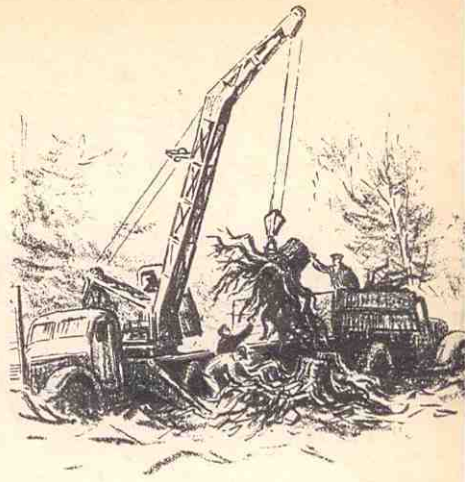
Наконец, настала очередь сказать несколько слов и о штабе, который руководит женсоветами на местах.

Самые активные женщины района входят в его состав, а во главе — активнейшая из активных Раиса Ивановна Иванова, директор детского дома имени А. Матросова.

А ведь известно: если делом руководит инициативный, умный, заинтересованный человек, делу непременно обеспечен успех.

В. АДУШКИНА

Ульяновская обл.

СТОРОНА СИБИРСКАЯ

Если вы хоть раз побываете на Ангаре и Байкале, то навсегда запечатлет вам в душу их величественная и суровая красота.

Сам я вырос в Сибири, и мне поэтому особенно близка она. Прошлой осенью после многих лет я снова повидался с Ангарой и Байкалом. И меня поразили те перемены, которые произошли здесь: от Иркутска до Байкала пролегла широкая асфальтовая дорога, по которой нескончаемым потоком мчатся автобусы, грузовые и легковые автомашины.

Самый новый вид транспорта здесь — «Ракета», быстроходное судно на подводных крыльях. Оно действительно, как ракета, мчится по широкой Ангаре среди живописных берегов, поросших вековой тайгой, оставляя за собой дымку водяной пыли.

«Ракета» начинает свой путь от гигантской плотины Иркутской ГЭС, где Ангара разлилась, словно море. Другой берег этого моря — почти у самого Байкала. Раньше железная дорога шла по левому берегу Ангары, теперь эти места залиты водой, а электрическая железнодорожная магистраль, идущая на Дальний Восток, перекинулась через крутые таежные горы прямо на Слюдянку. По ней день и ночь мчатся мощные электровозы.

А вот рыбацкий поселок «Николь». Он расположен почти у самого истока Ангары. Слева — Байкал, вдали белеют снежные Саяны. Горы ожерельем опоясывают зеркальную гладь могучего Байкала.

Захотелось зарисовать мне и несколько эпизодов из жизни колхоза. Вот колхозники готовят на берегу Ангары рыболовные снасти. А тут идет расчистка участка для строительства. Выкорчеванные пни краном грузят на автомашины и увозят.

В этих рисунках милого мне сибирского края хотелось запечатлеть не только его природную красоту, но и ту красоту, которая создается живущими там людьми.

П. БАРАНОВ,
художник

Георгий КОЛЬЦОВ

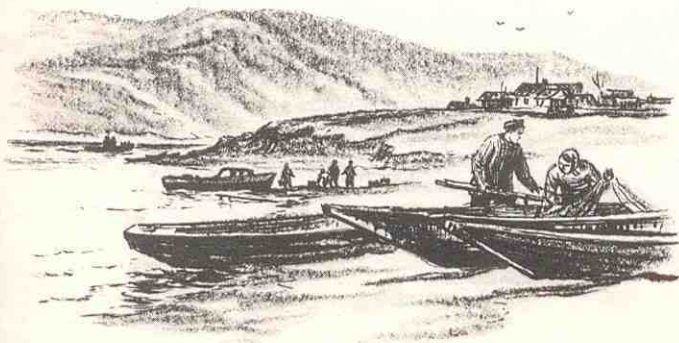
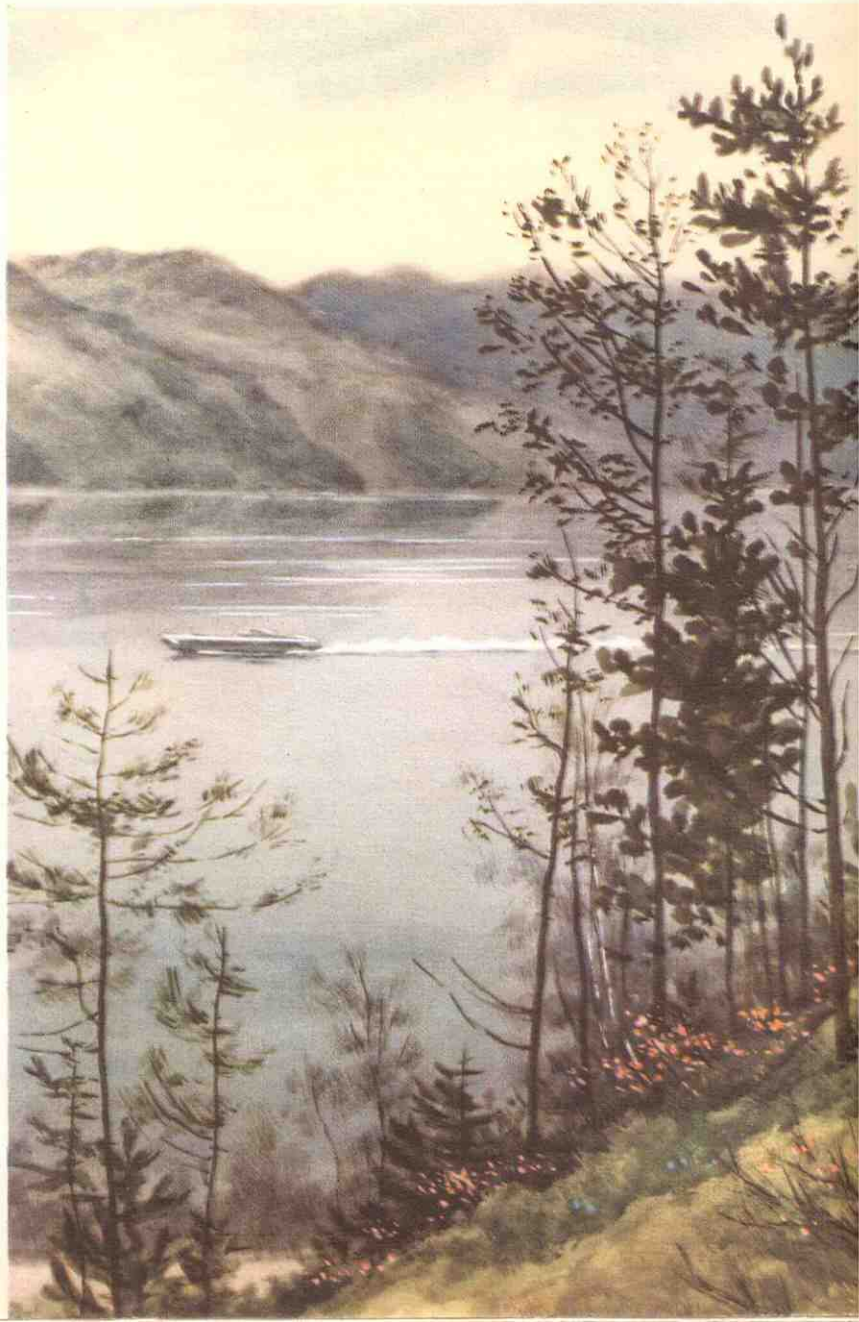
Байкальские зори

*Я люблю встречать в открытом море
Эти сердцу дорогие зори.*

*Встанешь утром,
И освищут ветры,
И опора — лишь десяток метров.
И кругом вода,
и, словно в сказке,
Озеро меняет свои краски.*

*Все как будто бы в виденье сонном:
Белое становится зеленым,
А багряное вдруг темно-синим,
И блестят нагорья белым инеем,
Сопки, словно старые знакомые,
На корме рыбачки чистят омулей,
Серебром их чешуя сверкает.*

Хороши рассветы на Байкале!

— Вы, мамаша, идите в колхозе потрудитесь. А мы уж сами как-нибудь управимся!

Е. ЩЕГЛОВ.

(Из сатирической серии «И мы пахали». Пастель.)

— А вы просо сеяли?
— Сеяли...

НА ЧУЖОМ ХЛЕБЕ

В тот день я встретила тебя на широкой сельской улице случайно и не удержалась, посмотрела вслед. Так не вязался с деловым настроением обычного сельского дня твой пестрый наряд и какая-то расслабленная походка. Мимо проносились грузовики, спешили на работу люди, а ты шел медленно, равнодушно поглядывая по сторонам, точно и впрямь будничным днем был для тебя выходным.

— Кто это? — поинтересовалась я у проходившей мимо меня колхозницы.

— Сашка Загородний, сын агронома, личность приметная! — усмехнувшись, ответила та.

— Чем же?

— Известно чем — бездельем! Так себе, гнилушка! «Гнилушка!» Не задумываясь, бросил тебе адогонку человек это обидное и оскорбительное слово.

...— Саша Загородний? — Директор средней школы Василий Кондратьевич Кузьменко помолчал немного. — Как же, отлично помню, вместе с моим Сергеем аттестат зрелости получил.

От Кузьменко я узнала о тебе подробнее.

...Идут практические занятия, все обступили трактор и с интересом слушают рассказ инструктора. Скоро наступит долгожданный день: десятиклассникам позволят вспахать первую борозду! А там вместе с аттестатом зрелости они получат удостоверение сельского механизатора широкого профиля.

Это ли не увлекательная профессия для сельского парня! Но тебя занимает совсем другое. Ты давно решил, что после окончания школы уедешь из родных Гребенок.

— Что здесь — скука, пыль, грязь, тоска смертная! — сетовал ты на жизнь в родном поселке.

В родном селе ты чувствовала себя чужаком: свысока посматривал на товарищей, презирал работу на пришкольном участке.

— Зачем мне все это? — говорил ты. — Выращивать хлеб не мое призвание!

Своим призванием ты почему-то считал изучение английского языка. Почему именно английского? Трудно сказать! Точно так же ты мог, пожалуй, говорить и о японском. Ведь успехи твои в изучении английского в школе не были блестящими.

Твое решение уехать в Киев, в институт иностранных языков, даже отец воспринял как чудачество. Ему, старому агроному, мечталось, что сын пойдет по его стопам. За тридцать лет работы в районе отец не успел сделать и половины того, что задумал.

— Вот бы сын продолжил мое дело! — надеялся он.

Но ты твердо стоял на своем: английский и только английский!

Юность — чудесная пора. Она уносит мальчишек на крыльях фантазии то в космические выси, то уводит в морские глубины, то сажает за штурвалы чудесных машин. Чем ближе день окончания школы, тем реальнее мечты. Ты тоже мечтал. Только мечты у тебя были куцые, жалкие, мечты незадачливого мещанина.

— Важно не где жить, а как жить! — доказывал тебе Сережа Кузьменко.

Но ты самоуверенно возражал:

— Настоящим человеком можно стать только в городе. Вот на Крещатику — это жизнь. А здесь что?!

Ваш спор решило время.

В институт иностранных языков ты не попал: срезался на экзамене. Однако вернуться в родной поселок тоже не захотел: ведь было достигнуто главное: каждый день ты мог планировать по Крещатику!

Шли месяцы. На дно чемодана было засунуто удостоверение сельского механизатора, и, пренебрегая теми небольшими знаниями, которые получил в школе, ты искал такую работу, чтобы не работать. И много же ты перепробовал дел! Был и продавцом в продуктовом магазине, и рабочим на стройке, и смазчиком на заводе. Но ничто не увлекло тебя, ничем ты не овладел до конца. Когда ты устроился учеником токаря, в семье радостно вздохнули. Но не прошло трех месяцев, как ты оставил завод. И снова началось праздное хождение по городским улицам и унижительные просьбы к отцу: вышли немного денег!

К великому огорчению, такие, как ты, «перекасти-поле» еще попадаются среди молодежи. Искатели легкой жизни, они гнушаются дел своих отцов и матерей. Как же, ведь они получили среднее образование!

Твоя городская жизнь окончилась печально: родным просто надоело содержать бездельника в Киеве.

И вот ты сонный, со скучающим видом слоняешься по сельской улице, не зная, чем заняться. Говорят, ты снова «затосковал» и решаешь, куда бы податься: в Киев, Белую Церковь или в Фастов.

Но все-таки оглядись внимательней. Сколько радостных перемен произошло в родных Гребенках за эти годы! Отстроились новые здания, улицы украсились садами, расширились цехи сахарного завода. И во всем этом нет и капли твоего труда, твоих усилий!

Выросли и люди. Твой сверстник Василий Яровой стал знатным трактористом в районе, уважаемым человеком; другой соученик, Александр Билык, теперь механизатор; Петр Баздюх после окончания школы пошел работать на машиноиспытательную станцию; Сережа Кузьменко учится в Киевском университете; Светлана Куценко — в педагогическом институте. Всех не перечислить! У каждого нашлось любимое дело. И только ты, непонятно во имя чего, растрачиваешь свои лучшие годы!

Твой дом в Гребенках я отыскала сразу. Кто же не знает в поселке Федора Яковлевича Загороднего! Говорят о нем люди с глубоким уважением. Но родной сын бросает тень на его доброе имя.

После смерти жены отец старался, чтобы ты не ощущал отсутствия матери. Вставал затемно, готовил тебе завтрак, убирал комнату и только после этого уходил на работу. Все заботы он брал на себя. И не заметил отец, как выросли баловня, белоручку.

Сам же он, деревенский парень, рос иначе. С девяти лет пас скотину: семья была большая, и надо было помогать отцу. А когда поехал учиться в Белую Церковь, тоже надеялся только на свои силы, не ждал подачек из дома. Да и мужская гордость ему этого не позволила бы.

— А этот в двадцать лет еще на пару брюк себе не заработал!

«Этот» — отец называет тебя горьким, безликим именем. С болью он признает, что за тридцать лет своей работы вырастил тысячи и тысячи тонн хлеба, а собственного сына воспитать не смог!

И вот молодой, полный сил человек, которому любое дело по плечу, ест хлеб, который покупает для него старик отец на свои пенсионные деньги. Это ли не позор?!

Праздность обрекла тебя на жалкое существование тунеядца. Так вот, оказывается, почему тебе бросили вслед: «Гнилушка!»

Опомнись, Александр, пока не поздно!

Конечно, воевать с собственными изъянами, недостатками нелегко. Но это надо сделать во имя того, чтобы иметь право честно смотреть людям в глаза. Люди мужают не на прогулках по Крещатику, а в борьбе с трудностями.

В двадцать лет жизнь только начинается. И очень хотелось бы, чтобы ты сумел переломить себя, стал бы примерным сыном, честным тружеником, настоящим человеком. Теперь это зависит только от тебя.

Р. ТОПОЛЯНСКАЯ

с. Гребенки,
Украинская ССР.

МОЛНИЯ И ГРОМ

Небо потемнело, над головой нависли свинцовые тучи. Налетел порыв ветра, тревожно зашумела листва. Еще минута — и застучал по крышам домов, по оконным стеклам дождь. И вдруг все вокруг озарилось ослепительно яркой вспышкой, а вслед за нею, покрывая шум ливня, словно залп из орудий, раздался громовой раскат. Гроза...

По подсчетам ученых, каждую минуту на земном шаре одновременно происходит около двух тысяч гроз. От ударов молний в сельских местностях царской России ежегодно сгорало более трех тысяч дворов. И можно понять суеверный страх наших предков перед грозой.

Гроза давно уже не тайна. Вызывается она тем, что облака, состоящие из мельчайших капелек воды, приобретают электрический заряд, становятся грозowymi.

Как это происходит, поможет понять такой любопытный опыт: если направить сильную струю воздуха на капли воды, они дробятся на все более мелкие капли и заряжаются при этом электричеством.

Кстати говоря, нечто подобное мы наблюдаем и в быту. Расчесывая волосы, мы видим, что они иногда тянутся за гребешком. Происходит это потому, что волосы заряжаются электричеством. Точно так же получает электрический заряд и стеклянная палочка, если ее натирают шерстью. Прикоснитесь потом палочкой к бумаге и увидите — к ней прилипнет листок.

Ветер заряжает электричеством облака, благодаря ему и возникают грозвые тучи.

Каждый, вероятно, видел, что при коротком замыкании двух проводов проскакивает электрическая искра.

Когда две тучи заряжены разными видами электричества, одна — отрицательным, а другая — положительным, тоже может возникнуть «короткое замыкание». Тогда между ними проскользнет гигантская электрическая искра, которую принято называть молнией. Подобный же электрический разряд может произойти между тучей, несущей отрицательный заряд, и землей, заряженной положительно.

Нам кажется, что молния вспыхивает сразу. На самом деле это не так. Сначала с тучи несутся к земле электроны — мельчайшие частицы отрицательного электричества. Сталкиваясь по дороге с атомами воздуха, они «отрывают» от них все новые и новые электроны, увлекают их с собой. Электронная

«лавиная» быстро нарастает, достигает земли. Теперь грозвая туча словно соединена невидимым каналом с землей. По этому каналу с огромной скоростью — несколько десятков тысяч километров в секунду — мчится основной, главный разряд молнии. Очень часто по тому же пути пронесется новый поток электронов — второй разряд, за ним — третий и так далее. Иногда количество разрядов достигает полусотни. И если внимательно приглядеться к молнии, можно заметить, что она мерцает: разряды сменяют друг друга.

Под действием электрического разряда воздух, расположенный в канале молнии, мгновенно разогревается. А нагретый воздух, как известно, расширяется. Это расширение происходит так быстро, что образуется мощная воздушная волна, как при сильном взрыве. Все это сопровождается оглушительными раскатами грома.

Как и всякий электрический разряд, молния всегда «выбирает» наиболее короткий путь. Обычно она ударяет в предметы, возвышающиеся над местностью, но лучше других проводящие электрический ток в землю. Вот почему во время грозы надо держаться подалеже от проводов, столбов, одиночных деревьев. Нельзя укрываться и в стогах сена. Если гроза застигнет человека в открытом поле, особенно на возвышениях, ему угрожает серьезная опасность поражения молнией. В таких случаях лучше всего сесть или лечь на землю и так переждать грозу. Если вблизи растут большие одиночные деревья, следует расположиться не ближе чем в десяти метрах от них, это вполне безопасно.

Наблюдения показали, что молния чаще всего поражает дуб и тополь и почти никогда не трогает березу и клен. Это объясняется различным содержанием смолы в древесине, разветвленностью корней. Поэтому во время грозы ни в коем случае нельзя прятаться под дубом и тополем.

От молнии надежно защищает громоотвод, или, правильнее сказать, молниеотвод, — металлический стержень, укрепленный над зданием и соединенный проводником с землей.

Иногда встречается молния особой формы — шаровая. Она представляет собой красноватый, не совсем правильной формы светящийся шар размером от теннисного до футбольного мяча. А однажды шаровая молния имела даже более двух десятков метров в поперечнике.

Шаровая молния с шипением или жужжанием медленно плывет по воздуху, иногда даже против ветра и в конце концов исчезает. Часто это совершается почти беззвучно, иногда же раздается оглушительный взрыв, способный вызвать значительные разрушения.

Порою шаровая молния светит ослепительно белым светом. Это говорит о ее высокой температуре. Она способна оплавить металлические предметы, зажечь дом, дерево, которые вспыхивают сразу, словно порох.

Изучать шаровую молнию довольно трудно, так как нельзя предвидеть заранее, где и когда она появится. Поэтому природа шаровой молнии пока еще неизвестна.

Что же касается обычной молнии, то, чтобы ее изучить, надо прежде всего «поймать» ее. Сделать это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Ведь удары молний происходит не так уж часто. Даже в тех районах, где грозы — обычное явление, на каждый квадратный километр земной поверхности приходится в среднем один удар молнии за два года. Если в таком месте построить лабораторию по ловле молний, то она обречена на простой. Поэтому ученые поступают иначе. В районах, где грозы особенно часты, устанавливают специальную автоматическую аппаратуру. Для учета молний сконструированы регистраторы — маленькие стерженьки, спрессованные из порошка. Если поблизости ударит молния, то порошок намагничивается, тем самым «сообщает» ученым данные о разряде атмосферного электричества. Подобные регистраторы для «магнитной записи» молний размещают в самых различных местах: у линий электропередач, в горах, низменностях.

Наряду с этим советские ученые воспроизводят молнии искусственно. В Энергетическом институте Академии наук СССР есть мощная установка, с помощью которой получают молнии длиной до 15 метров. Там же проверяют надежность различных изоляционных материалов, устройств для защиты от молний.

Современная наука все глубже проникает в закономерности сложных процессов, происходящих в воздушной оболочке Земли. И уже не за горами время, когда люди научатся подчинять своей воле новый могучий источник колоссальной энергии.

В. КОМАРОВ

Фото А. БУШКИНА.

НЕРАЗБОРЧИВАЯ

При муже, работавшем чабаном на Дальнем хуторе, Анна Баранова сидела дома с детьми. Она гордилась перед соседками, что рано и удачно вышла замуж, что муж у нее покладистый и хорошо зарабатывает. Когда же муж вдруг умер, Анна растерялась. Ее все жалели и помогали чем только могли: выписывали овощи из совхозной кладовой, хлопотали о пенсии для детей... Директор совхоза перевел ее с хутора на центральную усадьбу и устроил уборщицей в клуб.

Зарботка вместе с «детскими деньгами» — пенсией, назначенной за отца семилетней Люде и восьмилетнему Шурику, хватало на жизнь. Анна радовалась, что и без мужа жить не хуже людей.

В клубе по воскресеньям и вечерами в будни былолюдно и весело. Анна присматривалась к мужчинам, разглядывала женщин. Сравнивая себя с ними, Анна обычно приходила к выводу, что она не хуже их, и с удовольствием оглядывала в зеркале свою не по-деревенски худенькую, вертящую, как у девчонки, фигуру.

Но были женщины, которых она безотчетно невзлюбила. Например, рослую, дородную овощеводку Раису Яковлевну Ониченко. От этой всегда веяло какой-то свежестью и здоровьем, и рядом с ней Анна казалась еще более бледной, изможденной, чем была на самом деле. Раиса приходила в клуб с мужем — каменщиком Виктором, коренастым, очень подвижным и вечно улыбающимся человеком. Виктор слыл в совхозе артистом. Он выступал в самодеятельных спектаклях, читал со сцены смешные рассказы.

Говорили, что прежде Виктор был пьяницей и бродягой, рос где-то в исправительной колонии и даже родной отец считал его пропащим человеком.

Выйдя на волю, веселый оборванец и пьяница, у которого ничего не было, кроме залатанных ватных штанов и старой фуфайки, он завербовался на стройку и там оказался в одной бригаде с Раисой Яковлевной. Добрая женщина сделала с ним то, чего не могла добиться ни одна исправительная колония. Вскоре он женился на Раисе, уехал к ней на родину, обучился там профессии каменщика и стал работягой, заботливым отцом.

Солидная, степенная Раиса Яковлевна держала беспабашного мужа в строгих руках, сама получала за него зарплату и запрещала ему выпивать. Иногда приятели тайком угощали Виктора в буфете водкой. Анна видела, как жадно он пьет. При жизни мужа она сама бегала за водкой в магазин, чтобы тот пил у нее на глазах, а не на стороне. И она осуждала строгую Раису за скупость.

Анна давно уже тяготилась своим одиночеством и ждала, что кто-

нибудь наконец обратит на нее внимание. Виктор с его ухмылкой и смешными гримасами, правда, не подходил на того интересного мужчину, о котором она мечтала, насмотревшись кинокартин. К тому же Виктор был чужим мужем и отцом. Но Анна решила, что даже с ним ей будет жить веселее. И ни его дети, ни его жена, ни собственные дети не казались ей препятствием. А вдруг не представится другого счастливого случая?!

Анна отдавала себе отчет, что жена Виктора во всех отношениях лучше ее, что сама она не приворожит его ни красотой, ни умом, ни добротой. Но Виктор был человеком «со слабинкой», и она нашла к нему подход.

Однажды, когда он забежал к ней домой за ключом от клуба, Анна пригласила его в комнату, отослала детей гулять и поставила на стол бутылку водки. Виктор не устоял перед искушением.

После этого вечера Виктор стал заходить к Анне чаще. Там его всегда ждали водка и угощение. На это уходил Аннин заработок и часть детской пенсии. Вскоре в доме уже не хватало денег на самое необходимое. Дети стали лишними, и, когда приходил гость, Анна выпроваживала их на улицу. До поздней ночи бегали они по поселку, голодные, неряшливые, беспризорные. Сердобольные соседи подкармливали Шурика и Люду. Школьный родительский комитет покупал им одежду.

— У них вся жизнь впереди, — оправдывалась Анна. — А мне только пять годочков до сорока осталось. Когда же и пожить для самой себя!

Так прошел год. Однажды, когда Раиса Яковлевна выбрала мужа за то, что он явился домой пьяным, Виктор обиделся, пригрозил:

— Могу уйти навсегда! — и, хлопнув дверью, выбежал на улицу.

Утром она узнала от соседок, что он ушел к Барановой. Раиса казалась, что с матерью двух детей ей легко будет найти общий язык. К тому же Раиса, как член школьного родительского комитета, не раз помогала Анне в трудные дни.

Комната, которую ей указали, напоминала заброшенное жилище пьяницы-холостяка.

На небранном столе — порожние поллитровки, крутом окурки, в углу неряшливая кровать с серыми, замызганными простынями и грязным до черноты подзором.

Вернувшаяся из кухни Анна оторопела, увидев у себя нежданную гостью, насторожилась.

— Твои дети, Нюра, осиротели по несчастью. Зачем же ты моих сиротишь? — тихо спросила ее Раиса.

Анна почувствовала, что соперница не собирается ни бить ее, ни срамить, сразу успокоилась и ответила ей с вызовом:

— Ты пожила! Поживу и я!

Раиса поняла, что разговаривать дальше не имеет смысла, и, не прощаясь, ушла.

Следующая встреча женщин состоялась на общественном суде.

— Судите меня! Снимайте с работы, если хотите! А я с ним как жила, так и буду жить! Любовь сильнее всего на свете! — радуясь общему вниманию, уверяла Анна.

Слушали ее с недоверием. Люди, прежде помогавшие Анне, знали: то, что она называла «любовью», испортило жизнь шестерым: алкоголиком стал Виктор, осиротели Раисины дочери, исхудала от горя Раиса, как сорная трава, растут Шурик и Люда...

Виктор угрюмо отмалчивался, хотя и выпил для храбрости. Раисе больно было видеть его пьяным и униженным. Как твердо десять лет держал он свое слово, не уступая болезненной привычке! А теперь опустил голову и стыдится смотреть людям в глаза... Разве это любовь?

Суд осудил Анну и Виктора и постановил снять их с работы. Рассчитавшись в совхозе, они устроились в стройконтру: он — каменщиком, она — подсобницей. Но после суда в этой «семье» пошло непробудное пьянство.

Анну это не удручало; не беспокоило ее и то, что Виктор стал никчемным человеком. Он был с ней, а какой — все равно. Пьяного ей даже легче удержать, чем трезвого.

Рисунок В. ЖУПНИКОВА.

ЕСТЬ КОГО ВЫДВИГАТЬ

...Когда Анна второй раз увидела на пороге комнаты Раису Яковлевну, с языка у нее готовы были снова сорваться злые, наглые слова. Но Раиса поздоровалась и деловито заговорила:

— Зачем ты делаешь Виктора алкоголиком? Если ты за жену ему стала, забирай у него деньги! Он ведь пьет теперь и на свои, и на твои, и на детские...

— Что с ним поделаешь! — беспечно призналась Анна.

Она не удивилась бы, потребуй Раиса денег для себя. Но то, что та все еще болеет душой за бросившего ее мужа, заботится о нем и даже эти переговоры с ней ведет, чтобы помочь ему, поразило Анну. Такой любви без корысти и радости для себя Анна не понимала и недоверчиво косилась на соперницу, с досадой думая о том, что и Виктор не забывает свою жену, семью.

Анна давно с обидой замечала, что о своих детях он говорит с умилением, носит им гостинцы, гордится ими, а о ее ребятах вспоминает, только когда надо послать за водкой или папиросами. Да и к ней он относился не как к жене, а как к собутыльнице.

Он не ходил с ней в клуб, как бывало с Раисой Яковлевной, стыдился пройти с ней по улице. Но Анна не упрекала его.

И все-таки то, чего она боялась, случилось...

В горькую минуту Виктор, забыв самолюбие, пришел к жене с повинной. Он знал, что только она, строгая и требовательная, может спасти его, как однажды уже спасла. Увидев его искреннее раскаяние, Раиса Яковлевна простила его ради детей.

С этого дня Анна видела Виктора только издали, потому что, заметив ее на улице, он сворачивал в сторону. Чего только не делала Анна, чтобы вернуть его: поджидала на улице, писала ему жалобные записки! Даже выпила уксусной эссенции. И хотя травилась она не всерьез — на завтра была уже на ногах, — к ней вызывали «Скорую помощь», и шум поднялся на весь поселок.

Никто во всем поселке не сочувствовал ее горю, словно оно было такое же несерьезное и ненастоящее, как и ее любовь. Говорили, что она сама во всем виновата, одобряли Виктора за то, что он вернулся в свою семью. Анне же надоело подкарауливать его, писать письма, и она утешилась...

На стройке, куда ее перевели по просьбе Виктора, работал грузчик Михаил Муравьев. Вскоре после знакомства Анна уже угощала его вином, как прежде Виктора.

— Стыда у тебя нет! У него же шестеро детей! Жена Тося — лучшая маслобойщица в комбинате, без отдыха трудится, пока он с тобой «пирует»! — сообщили Анну женщины.

— А мне какое дело до его детей! — отвечала Анна.

Она помнила одно — теперь «до сорока» осталось только четыре года, ей надо торопиться жить.

— Я молодой! Я жить хочу! Я любить хочу! — кричал и Михаил за стаканом вина и жаловался на детей, на старуху мать и на жену, как

будто они мешали ему быть молодым.

Анна чувствовала в нем родственную душу и радостно поддакивала.

Михаил унес из дому радиоприемник и включил его у Анны, чтобы все кругом слышали, как они веселятся. Шуму было много, но веселья не получилось, потому что никто из соседей не пришел к ним на праздник.

Опять Аннины дети зажили впроголодь. Они привыкли к пьяному разгулу, не пугались, когда взрослые бранились и дрались, прислуживали им, убирали за ними.

Поселившись у Анны, Михаил совсем перестал выходить на работу, и его уволили. Он спал до полудня, бездельничал и пьянствовал.

Перестав работать, Михаил не платил алиментов своим детям и радовался этому, словно кого-то перехитрил.

— Я жить хочу! — твердил он. — А детей моих государство воспитает!

Михаил мечтал уехать куда-нибудь, где никто не будет знать о том, что в Суровикине у него остались жена и шестеро детей. Анна уговаривала его взять ее с собою. Но однажды, возвращаясь с работы, она услышала, как Михаил, сидевший во дворе на бревнышке, объяснял соседкам:

— Я у нее не первый... Конечно, я получше себе найду!

Анна заплакала от обиды: кормила, поила, а он, как волк, все в лес глядит...

И вот однажды Тося, жена Михаила, встретила его у дома Анны и стала стыдить. На шум собрались все соседи. Анна слышала возбужденные голоса, и ей было страшно, что у нее столько недругов: все заступались за Тосю.

— Твоя жена во сто раз лучше! — говорили соседки. — Что ты здесь нашел?

— Любовь, — отвечал Михаил неуверенным голосом.

Все засмеялись.

Кто-то протянул:

— Эх ты!.. Свинья грязи ищет...

А шофер Осип Чудин посоветовал:

— Ступай домой и больше сюда не ходи! Может быть, опять человеком станешь!

Михаил сдался и пошел следом за Тосей. Анна представила себе, как и он теперь начнет сторониться ее... Почему ей так не везет? Ведь и Виктор и Михаил до того, как она сошлась с ними, были люди как люди. А с нею стали лодырями и забулдыгами. Вот даже попрощаться по-человечески не нашли нужным. Хотелось пожаловаться кому-нибудь на их черную неблагодарность. Но пожаловаться было некому. Из коридора долетали сердитые голоса:

— Такие, как Баранова, женщин позорят!

— Судить ее нужно, чтоб чужих мужей не заманивала!

Анна испуганно покосилась на Люду и Шурика и включила приемник на полную громкость.

Н. МУРАВИНА

пос. Суровикино,
Волгоградская область.

В первом номере журнала «Крестьянка» напечатана статья «Несостоятельная теория». В ней правильно поднят вопрос о том, что в колхозах мало женщин на руководящей работе. Вот и в колхозах нашей области почти на всех командных постах мужчины.

Наше Белгородское производственное управление объединяет 39 колхозов, а женщин — председателей колхозов — ни одной. Очень мало женщин работает заведующими животноводческими фермами, еще меньше — бригадирами комплексных бригад. Руководители хозяйств объясняют это тем, что колхозники боятся трудностей и сами, мол, не хотят, чтобы их выдвигали.

Мы смело можем повторить: такая точка зрения несостоятельна.

За примером ходить далеко не нужно. В нашем колхозе «Родина» из 820 трудоспособных 550 женщин.

Среди них много грамотных, способных выполнять любую работу. Но руководящие должности по заведенному порядку предоставляются мужчинам. Председатель правления и его заместитель — мужчины. Бригадиры, помощники бригадиров, заведующие токами, завхозы, кладовщики — мужчины. В колхозе девять животноводческих ферм, и только птицефермой и двумя молочнотоварными фермами заведуют женщины. Между прочим, планы выполняют именно те фермы, на которых хозяйничают женщины.

Лучшей у нас считается МТФ № 2. Ею заведует Александра Ивановна Камышинская, бывшая доярка. За свой труд она награждена орденом Ленина.

На ферме 110 коров. Дояркам приходится работать в трудных условиях. Нет электричества, автопоилок. Коров доят вручную, воду привозят в бочках.

И все-таки ферма каждый год перевыполняет задания по надою молока. За минувший год не было случая падежа молодняка.

Нелишним будет сравнить работу Александры Ивановны Камышинской с работой заведующего МТФ № 3 Съедина. Условия работы у них одинаковые, а результаты хозяйствования разные. Ферма № 3 никогда не выполняет производственных планов. Так, в прошлом году при плане надою молока на фуражную корову 2 300 килограммов надоили всего по 1 800 килограммов. Ферма недодала государству за год 880 центнеров молока. Только за прошлый год на этой ферме пало 42 теленка.

И где только до этого не работал Съедин! Заведовал птицефермой, овцефермой и телятниками. И везде работу проваливал, с бутылочкой никогда не расставался. И сейчас пьет. Какой же прок от руководителя, если он постоянно

хмельной! А ведь заменить Съедина есть кому.

На той же ферме работают такие замечательные доярки, как комсомолки Прасковья Тюфанова и Анна Чернышева, кандидат в члены партии Ольга Андреевна Лукьянова. Каждая из них могла бы навести порядок. Но правление колхоза почему-то не может расстаться со Съединым.

Любит выпить и Кривцов, заведующий свинофермой второй комплексной бригады. Недавно под его руководство отдали еще и телятник. Дела на этих фермах идут плохо. То и дело составляются акты о падеже, а в конторе подсчитывают убытки. К свиноводкам и телятницам Кривцов относится грубо, оскорбляет их нецензурными словами. Не раз свиноводки требовали от правления и партийной организации снять Кривцова, а на его место поставить женщину. Куда больше толку и пользы было бы! Да вот беда: не считается правление с мнением женщин. Часто мы слышим от председателя колхоза Ивана Григорьевича Фатеева и секретаря парторганизации Виктора Ивановича Канищева такие слова:

— Ну, как можно поставить на руководящую работу женщин, когда у каждой маленькие дети! Все равно работать не будут!

Да, действительно, многие наши женщины имеют малышей, и их не на кого оставить дома. Трудно им при таких условиях работать. А чем помогло матерям правление колхоза? Ни яслей, ни детских садов постоянных в наших селах нет.

Их открывают лишь в страдную пору, да и то не так, как нужно. Помещения отводятся маленькие, специальных няnek для ухода за малышами не выделяют.

Колхозу «Родина» нужны круглогодичные ясли. Тогда колхозницы смогут и работе и участию в общественной жизни села отдавать больше сил и времени. А то нынешней зимой много молодых матерей сидело дома. Они рады бы пойти работать, да за детьми некому присмотреть.

А вообще-то наши женщины на всех участках колхозного производства не уступают мужчинам.

Разве не могла бы справиться с обязанностями бригадира или помощника бригадира комплексной бригады звенье-

вая Александра Николаевна Остащенко? Четырнадцать лет подряд ее звено неизменно завоевывает первое место в соревновании за высокие урожаи. За самоотверженный труд она и члены ее звена награждались грамотами.

За ум и знание колхозного производства пользуется уважением и коммунистка Полина Степановна Серебрянская. С любым поручением она всегда справлялась отлично. И на собраниях ее слушают со вниманием, знают: Полина Степановна всегда говорит разумно. А вот правление колхоза и ей не может подыскать такую работу, где бы она проявила себя в полную меру.

Так что наши женщины — замечательный резерв для выдвижения на руководящие должности.

Свекловичница М. СКИСОВА, доярка Е. ПОПОВА, работница полеводства Т. БЕГМЕНКО, доярка М. ЧИЖОВА и доярка Н. ТКАЧЕВА

Колхоз «Родина», Белгородская область.

ОНИ НЕ ПОДВЕДУТ

В первом номере журнала «Крестьянка» за 1963 год прочитал я статью «Несостоятельная теория». В ней говорилось о том, что в Харьковской и Днепропетровской областях плохо выдвигают женщин на руководящую работу.

В статье, в частности, рассказывалось о доярке Савельевой, которая вполне бы могла руководить фермой.

И я уверен: справилась бы Савельева так же, как и наша землячка из колхоза имени Куйбышева Гуда Сулейманова. О ней я и хочу рассказать.

Семнадцать лет работает она в животноводстве: сначала тоже была дояркой, а теперь заведует молочнотоварной фермой.

Когда на правлении предложили выдвинуть ее на эту должность, кое-кто возражал:

— Разве сможет она управиться с таким большим хозяйством?

Сомневалась и сама Сулейманова.

— Ничего, — успокаивала ее секретарь парторганизации Гурия Айдалаева. — Заслужила ты трудом такую честь. А работать поначалу везде трудно. Поможем, поддержим. Все будет хорошо!

И действительно, хорошо пошли у Гуды дела.

По итогам 1962 года ферма заняла одно из первых мест среди колхозов Лакского производственного управления.

Начала Гуда свою работу с главного: создания запасов кормов. На это дело подняла всех: доярок, телятниц, пастухов. С их помощью механизаторы выращивали кукурузу, убирали травы. Ввела она и круглосуточную пастьбу.

Добился коллектив фермы улучшения породности скота; ввели искусственное осеменение коров. Только это подняло надои в полтора раза.

Всего и не перечислишь, что сделано на ферме с приходом к руководству опытной, умелой доярки Гуды Сулеймановой. И думается, что успехам фермы во многом способствует ее прошлая работа. Ведь одно дело, когда руководит фермой человек, который зачастую об этой работе знает понаслышке, и совсем другое, когда возглавляет ее бывшая доярка. Она и толковый совет даст и поможет, если надо.

Добрая слава о делах фермы разнеслась далеко. И вот к ее коллективу обратились с письмом животноводы колхоза имени Мичурина. Они просили помочь им преодолеть отставание, поделиться своим опытом. И Сулейманова, взяв с собой одну из лучших доярок, поехала к соседям, по косточкам разобрала все их просчеты, словом и делом учила, как по-настоящему наладить работу.

Лучшей наградой было для Гуды коротенькое письмо от ее подшефных, в котором они писали, что надои за месяц увеличились на десять процентов. Таких добрых вестей Гуда и ее подруги получают немало.

На многих фермах близлежащих колхозов побывали они и всюду оставляли заметный след.

Мне хочется обратиться со страниц вашего журнала к руководителям, которые робко выдвигают женщин на руководящую работу.

— Оглянитесь вокруг себя, товарищи. Посмотрите, сколько замечательных тружениц у вас на полях и фермах работает! Им смело можно доверять командные посты в колхозах и совхозах. Они не подведут.

М. МАГОМЕДОВ,
инструктор парткома Лакского
производственного управления

Дагестанская АССР.

БЕЛКОВЫЙ КОРМ

Белок — основа жизни, самое ценное вещество органической природы. Без него не могут существовать ни животные, ни растения.

Много белка содержат продукты животноводства. Так, молоко на две пятых состоит из белка. Когда молоко перерабатывается и из него готовят творог, сырковую массу, сыры разного рода, белки молока почти целиком переходят в эти продукты. Сухое вещество мяса тоже больше чем наполовину состоит из белка. Шерсть и кожа животных — преимущественно белкового происхождения. Ну и, конечно, ни для кого не секрет, что больше половины содержимого яйца составляет белок.

Как образуется белок в организме животных? Ученые установили, что животные сами не могут создавать его. Они должны получать белковые вещества — протеин — уже в готовом виде, в кормах.

Подсчитано, сколько переваримых белковых веществ должны получать животные в зависимости от той или иной их продуктивности.

Раньше, когда удои были малы — 1 200—1 500 килограммов молока в год, — вполне достаточно было 60—70 граммов протеина в каждой кормовой единице. Теперь, когда во многих хозяйствах удои достигли 2 500—3 000 килограммов молока в год, необходимо уже по 105—110 граммов переваримого протеина. При более высокой продуктивности коров потребность в протеине увеличивается до 115—120 граммов. Быкам-производителям требуется 100, а в случной период — от 125 до 145 граммов переваримого протеина. При откорме телят до пятнадцати месяцев нужно вначале 130, а в конце — 105 граммов протеина на каждую кормовую единицу.

То же самое и в свиноводстве. Раньше в большинстве хозяйств применяли сальный откорм свиней, при котором требовались корма, богатые углеводами, — зерно, картофель. На кормовую единицу приходилось от 50 до 75 граммов переваримого протеина. Сейчас большинство колхозов и совхозов предпочитает более выгодный мясной и беконный откорм свиней. При этом откорме холостым и подсосным свиньям необходимо уже 110—120 граммов протеина, хрякам — от 120 до 150 граммов. При выращивании поросят в возрасте от двух до четырех месяцев — 120—130 граммов, а при кормлении подсосников — 115—120 граммов. Примерно столько же должно быть протеина в корме овец и других видов скота. Птице требуется повышенное количество белка.

Основные корма — это зерно и силос кукурузы, сахарная свекла, луговое и степное сено, ячмень, отходы пшеницы и ржи, картофель, солома. Некоторые из этих кормов, особенно кукуруза, сахарная свекла, картофель, содержат большое количество сахара, крахмала и других углеводов, но мало белковых веществ. В кормовой единице находится переваримого протеина (в граммах): кукурузного силоса — 70, сахарной свеклы — 47, ячменя — 67, овса — 85, картофеля — 54, моркови — 75, брюквы — 72, тыквы — 54, лугового и степного сена — от 60 до 80, овсяной соломы — 45, пшеничной яровой соломы — 45.

Очевидно, что на тех фермах, где скот кормят главным образом этими кормами, он ощущает недостаток белка. Ведь белок нельзя заменить в рационе животных и птиц ни сахаром, ни крахмалом. Ввиду того, что переваримого протеина в таких кормах мало, их приходится расходовать значительно больше. Так, чтобы получить килограмм молока, на ферме тратят не одну кормовую единицу, а полторы-две, на один килограмм привеса свиней — не 4,5—5 кормовых единиц, а 8—10, иногда и больше.

Из-за недостатка белка происходит ничем не оправданный бесхозяйственный перекарм скота весьма ценными кормами. А это приводит к резкому удорожанию себестоимости животноводческих продуктов, иногда даже к убыточности некоторых отраслей животноводства.

Некоторые хозяйства пополняют рацион животных тем, что покупают богатые протеином жмыхи, отруби, пивную дробину, комбикорма. В кормовой единице пшеничных отрубей содержится 170 граммов переваримого протеина, в льняном шроте — 281, подсолнечниковом — 356, в хлопковом жмыхе — 288. С ростом пищевой промышленности все большее количество концентрированных кормов будет поступать в колхозы и совхозы, резко увеличится также производство комбикормов. Однако и это не даст возможности полностью удовлетворить потребности сельского хозяйства в белковых кормах.

Следовательно, каждое хозяйство само должно производить богатые белком культуры, особенно зернобобовые, которые дают высокие урожаи зерна и зеленой массы. Повсюду в стране можно выращивать горох. Во многих районах с достаточной влажностью почвы — кормовые бобы. На супесчаных почвах Украины, Белоруссии, Прибалтики, в западной и центральной зонах Российской Федерации хорошие результаты получают при возделывании желтого кормового люпина.

На Дальнем Востоке распространены посевы сои; ее можно сеять в Молдавии, на Украине, Северном Кавказе, в Оренбургской и других областях. В степных и лесостепных районах хорошо растет чина, часто дающая более высокие урожаи, чем горох. В засушливых районах Поволжья, Казахстана, Средней Азии можно выращивать не боящийся засухи нут (бараний горох). В некоторых районах лесостепи и нечерноземной зоны имеет смысл выращивать в дополнение к гороху яровую и озимую вику.

По содержанию протеина зернобобовые культуры могут быть приравнены к лучшим белковым концентратам промышленного производства. Так, на кормовую единицу приходится переваримого протеина в зерне гороха — 167 граммов, кормовых бобов — 223, вики яровой — 196, сои — 210, чины — 223, кормового люпина — 294.

Источником протеина может быть также сено или сennая мука, зеленый корм и силос из многолетних бобовых трав: люцерны, клевера, эспарцета. Так, в кормовой единице красного клевера — 153 грамма переваримого протеина, эспарцета — 198, люцерны — 235, то есть количество, близкое к содержанию белка в зерне бобовых культур.

Богатый белком силос получается при силосовании кукурузы с кормовыми бобами, горохом, чинной, вики, соей, люпином, донником. Хороший зеленый корм и сено с большим содержанием протеина дают бобовые растения — вики, пелюшка (серый горох), сераделла, чина.

Помимо промышленных концентратов и кормов из бобовых растений, жвачным животным можно давать и некоторые химические вещества, особенно карбамид (мочевину). Это вещество является хорошим источником азота для микроорганизмов, в огромном количестве обитающих в пищеварительном тракте жвачных животных, особенно в рубце. Достаточно сказать, что вес микроорганизмов, населяющих рубец коровы, превышает 2—2,5 килограмма; из них примерно 400—500 граммов ежедневно переваривается.

Карбамид дают крупному рогатому скоту и овцам вместе с другими кормами. Микроорганизмы поглощают карбамид и превращают его в протеин. Карбамидом нельзя заменить весь требующийся животным протеин, а только приблизительно треть его. Таким образом, карбамид может служить лишь дополнением к органическому протеину, находящемуся в растительных кормах. Карбамид нельзя давать свиньям, лошадям, а также птице. Для них он ядовит.

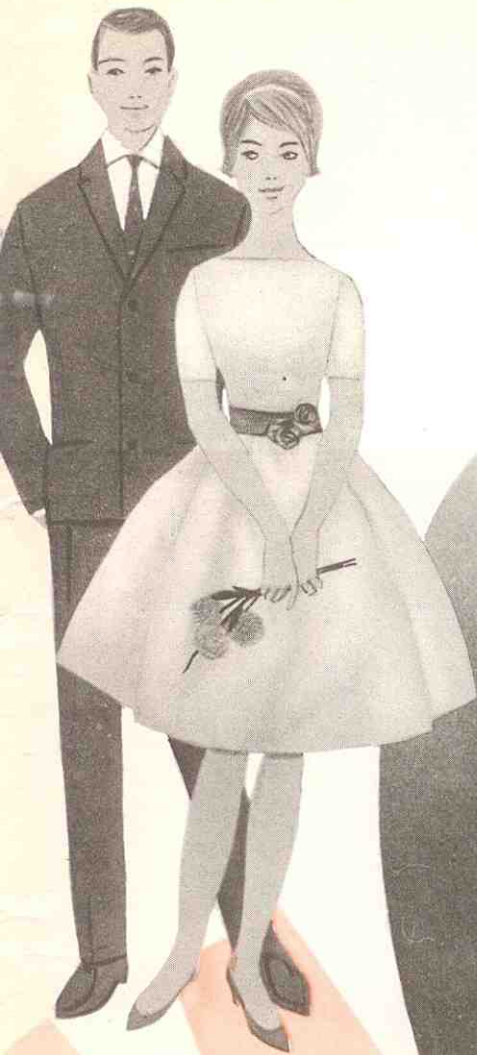
В каждом хозяйстве нужно использовать все возможности, чтобы увеличить в кормах содержание белка.

С. ШАИН

доктор сельскохозяйственных наук, профессор

К ВЫПУСКНОМУ ВЕЧЕРУ

Очень часто платье для выпускного вечера стараются сделать каким-то особенно парадным. А такое платье служит один вечер. Надеть его в кино, на гулянье девушка стесняется: уж очень броским выглядит ее наряд. Не лучше ли подготовить к окончанию школы более скромное платье, которое будет достаточно празднично выглядеть на выпускном балу и сможет еще долго служить выходным нарядом? Фасоны таких платьев мы и предлагаем на этой страничке.

Платье из набивного шелка, отрезное ниже талии. Лиф с небольшим круглым воротником. Юбка уложена мягкими бантовыми складками.

Платье из белого льняного полотна. Воротник и юбка отделаны мережкой. Лиф свободный.

Платье из белого капрона на чехле. Отделано драпированным поясом из белого блестящего шелка или из цветного — розового, голубого, сиреневого шелка. При цветном поясе и чехол под платье надо шить в тон ему. Чертежи кроя этого платья даны в приложении к журналу.

Платье из белой плотной ткани. Юбка прямая, в сборку, отделана несколькими рядами мережки. Лиф прилегающий, с небольшим вырезом у горла. Рукав узкий, втачной.

Платье с жакетом из белого шелка или поплина. Платье неотрезное, скроенное из четырех клиньев. Жакет приталенный, на пуговицах, с узким вшивным рукавом, отделан мережкой.

Цена номера 10 копеек.

Индекс 70434

33 розги

